

С. М. АШХАЦАВА.

21003

✓

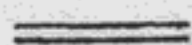
«История — дитя прошлого
и дитя будущего»

ПУТИ РАЗВИТИЯ АБХАЗСКОЙ ИСТОРИИ

ни государственные люди, стоящие на высоте своего призвания, ни дельная, мужественная публицистика»

Доклад, читанный на 1-м Всесоюзном
Краеведческом С'езде в Абхазии
12 сентября 1924 г.

Опыт исторического «Настоящее — дитя прошедшего
и родитель будущего.» предложенный в докладе С. М. Адихашва — Краеведческом
Съезде, помимо того, что резко и неустраимо выдвигает на первый план первоочередных работ вопрос о подлинно-абхазском национальном периоде Абхазского царства, роли в нем абхазского языка и о взаимоотношениях абхазов и картвелей (грузин) и их «Политическое воспитание дается преимущественно историческим образованием, без которого немыслимы: ни государственные люди, стоящие на высоте своего призвания, ни дельная, мужественная публицистика.»

и было бы желательно его скорейшее появление в печати с тем, чтобы: 1) до печатания автор внес определенное указание на древнейшие моменты существования грузинского литературного языка и пополнил сводку применительно к новейшим работам, 2) в самом печатном издании была указана литература с точными ссылками на цитируемые труды и статьи.*)

Академик А. Мавр.

18-го сентября 1924 г.

г. Баку

*) Цитирование изданий: И. Мавр, «Исторический язык Грузии».

Товарищ

Опыт исторического построения прошлых судеб Абхазии и ее государственного образования, предложенный в докладе С. М. Ашхацава на Краеведческом Съезде, помимо того, что резко и неустранимо выдвигает на первый план первоочередных работ вопрос о подлинно-абхазском национальном периоде Абхазского царства, роли в нем абхазского языка и о взаимоотношениях иберов, абхазов и картвелов (грузин) и их языков в государственных образованиях иберском, абхазском и грузинском, является хорошей сводкой имеющихся в литературе сведений материального и теоретического значения, доступной и не специалистам и было бы желательно его скорейшее появление в печати с тем, чтобы: 1) до печатания автор внес определенное указание на древнейшие моменты существования грузинского литературного языка и пополнил сводку применительно к новейшим работам, 2) в самом печатном издании была указана литература с точными ссылками на цитируемые труды и статьи.*)

Академик *Н. Марр*.
18-го сентября 1924 г.
г. Сухум.

*) Печатается с указанными Н. Я. Марра дополнениями и ссылками.

Что же касается исследования... и генералов царской России... об Абхазии... критика... свои обязанности... из...

Товарищи!

Два месяца тому назад я получил от нашего Научного Общества предложение сделать на предстоящем Краеведческом Съезде доклад по истории Абхазии; тогда я принужден был от такого предложения отказаться как за отсутствием времени, так и за отсутствием соответствующих условий для работы, почему мой доклад и не значится в „Бюллетенях“ Съезда. Только несколько дней тому назад, при пересмотре „Бюллетеней“, я не нашел в них ни одного доклада по истории и археологии Абхазии и решил предложить Съезду настоящий доклад, который далеко не исчерпывает данного вопроса и является лишь первым опытом, намечающим пути развития Абхазской истории.

Несмотря на то, что ни об одной народности Кавказа нет столько сведений, сколько о древней Абхазии, мы до сих пор не имеем ее истории и потому не только в широкой массе, но даже и в научных кругах о ней существуют самые дикие понятия и вследствие этого, конечно, народ все время жестоко расплачивается. Нормально-ли: народ, который в течение многих веков объединял почти все Кавказские народности и сделал колоссальную культурную работу, до сих пор не изучен?!

Мы здесь попытаемся, в кратких словах, указать те обстоятельства, которые послужили причиной этого явления и которые необходимо устранить. Прежде всего, сама наука была слишком молода, для Абхазской древности, что-бы так далеко взглянуть вглубь веков. Кроме того, не было определенного задания охватить историю всего человечества путем изучения составных частей его. Историческая работа производилась кое как, кое кем, кое где. Разрозненность буржуазного мира, с национально-шовинистическими стремлениями, ярко отражалась на работе историков всех наций. В конце концов история являлась прислужницей этих течений. В частности, если мы проследим работы грузинских и армянских историков, имевших тесное соприкосновение с Абхазией, увидим; что все эти работы пропитаны буржуазно-шовинистическим духом, абсолютно исключаящим объективность, столь необходимую для историка. Недаром академик Марр, в одном из своих исследований, заявляет: „Кавказская национальная злободневность, законный и в начале невинный источник стимула к Кавказоведным заплатам, обращается в направляющий их руль: воспринимая в лучшем случае технически усовершенствованные приемы по специальности и в этой мере укрепляя свои позиции, она неминуемо содействует гашению духа—двигателя научных исканий“...

Что касается „исследований“ чиновников и генералов царской России, то их сведения об Абхазии не выдерживают никакой критики: не только все свои сведения они брали из непроверен-

ных источников, уже упомянутых выше, но и сами не потрудились серьезно отнестись к изучаемому предмету, изучить дух и нравы исследуемого народа, к которому они, по своему невежеству, относились с пренебрежением и свысока, вследствие чего вся их работа представляет собой „ученую“ макулатуру. Если собрать все их „труды“ и сжечь, то от этого ни наука, ни исследуемые народы ничего не потеряли-бы: наоборот, широкая масса избавилась-бы от этой безлиберды. Конечно, мы этого не сделали-бы, ибо эти „труды“ являются сами по себе печальным памятником жалкого умственного багажа того периода. Для примера возьмем автора объемистой книжки, выдержавшей несколько изданий. В предисловии автор говорит, что он в течение 27 лет ежегодно по полгода жил на Кавказе, именно в Абхазии, посетил многие места и интересовался краем и народом. В своей книге, озаглавленной „Кавказ“, т. I — Народы Кавказа,—на 28 стр. он пишет: „в начале 7 в. Грузинский царь отдал Абхазию во владение потомка Ширван-Шахов“...; на 37 стр. он приводит слова „ученого“ генерала Услара: „Абхазцы говорят на таком мудреном языке, что удивительно, как они себя понимают“; далее автор приводит сокращенные Абхазские фразы, какие мы теперь только начали вводить в свою разговорную речь и, совершенно не допуская в Абхазском языке такой высокой техники, считает эти фразы лишь одним словом, конечно не понимая ни значения всей фразы, ни значения слова. На 30-й стр. читаем: „Афон устроил школы для детей абхазцев и путем этих школ ведет весьма удачное обрусение и приведение в христианство; эта миссия монастыря заслуживает самой тщательной поддержки и усердного поощрения, как со стороны Государственной Думы, так и со стороны администрации.“ На этой же стр. он говорит: „но что особенно удивительно для России и в высокой степени интересно,—там целое селение состоит из негров. Это село Адзюбжа у устьев Кодора.“ Эти примеры настолько характерны, что не требуют комментариев. Вся его книга пропитана духом высокомерия, надменности и презрения представителя державной нации к малому народу, с которым особенно не требовалось считаться, а культурные признаки этого народа проходили мимо близорукых глаз самовлюбленного чиновника. Кто-же является автором приведенных нами столь откровенных цитат и умозаключений о целом народе. Все это пишется не сто лет назад и не каким-нибудь случайным писателем, невзначай попавшим в Абхазию, а в 1914 г. русским профессором Н. Н. Ковалевским—в результате 27-ми летнего изучения этой страны! Что-же говорить о других менее „просвещенных“ представителях: „ученых“ и неученых генералах Дубровине, Усларе и др.: все они, не давая ничего нового и своего, жуют одну и ту же старую прогнившую историческую жвачку.

С момента Октябрьской Революции круто повернулась судьба Абхазии и вообще мелких угнетенных народностей. Получив все человеческие права, они с жадностью начали принимать участие в строительстве жизни своей страны. Не является-ли настоящий Съезд характерным показателем этого?! Мыслимо-ли было в прежнее время созвать на территории маленькой Абхазии столь многочисленное совещание ученых сил всего Союза, съехавшихся именно для изучения этого края? Таким образом, Ок-

тябрьская Революция дала широкую свободу и, несомненно, в недалеком будущем мы увидим своих историков, которые смогут дать объективную картину прошлой жизни Абхазии. Вот тогда будет понятно, почему ныне такая маленькая нация вела, на протяжении многих веков, столь отчаянную борьбу за свою свободу с теми, кто покушался на нее и почему, когда в 1854 г. ей угрожало подчинение России, она, не смотря на полное неравенство сил, вступила в отчаянную борьбу и те, кто не погиб в бою, предпочли покинуть родную землю и переселиться на чужбину, только не чувствовать гнет поработителя. Будет понятно так-же, почему меньшевизм, как один из буржуазно-националистических пережитков, абсолютно не нашел себе почвы в Абхазии и, наконец, будет понятно, почему Абхазия—крестьянская страна—так поголовно последовала за большевизмом, даже не исключая Абхазского мелкого помещика, который сказал: „Лучше свобода, чем лишняя десятина земли“.

«Ведь каждая народность, как-бы ни была она мала в своем численном составе, представляет из себя самодовлеющую силу и историческую реальность. Эти особенности выражаются не только в языке, одежде, обычаях, навыках, в искусстве, но и в известном строе души, в известных, только ей присущих, чертах. Этот строй души и есть основной капитал и основная ценность не только больших народов, но и самых маленьких народностей. Эти особенности всегда глубоки и оригинальны, всегда присущи только данному народу и являются теми необходимыми элементами, из которых строится величественное здание общечеловеческой культуры.»

Теперь, прежде чем перейти к самому докладу об истории Абхазии, позволю себе привести некоторые сведения из древней истории Кавказа.

Древнейшие сведения о Кавказе.

Образование Кавказа современная наука относит к палеозойской эре. Главная формация, относящаяся к юрской, меловой и третичной эпохам, была поднята и разорвана горообразовательными процессами. В эоценовую эпоху, Кавказ представлял из себя остров, а к самому концу миоценовой эпохи Сарматское море заливают всю Венскую котловину, Черное море, Кавказ, Каспийское море, Аральское, с прилегающими к ним низменностями. В плиоценовую эпоху, Сарматское море значительно сокращается и разбивается на две области: Черное и Каспийское моря; Бессарабия, Новороссия и часть Крыма выходят из под воды. Кавказ вошел в состав Малой Азии и соединился узким перешейком с Южной Россией. Таким образом, Кавказ стал на перепутьи Европы и Азии.—Высокий Кавказский хребет, простираясь от Черного моря до Каспийского, является почти непроходимой стеной, резко отделяющей Север от Юга и Европу от Азии. Только три узких прохода: Дербентский, Дарьяльский и берег Черного моря давали возможность обоим сторонам сообщаться друг с другом. Таким

образом, северный Кавказ, отделяясь от южного почти непроходимой стеною и находясь в большом отдалении от главных очагов культурной базы, естественно отставал в своем развитии, но эта отсталость не была так значительна, чтобы населявшие его не могли следовать общему культурному течению. Во время передвижения народов из Азии в Европу путь их лежал через Кавказ и безусловно каждый из них желал занять и остаться в этом прекрасном уголке.

Итак, с самого начала существования человека, Кавказ должен был принадлежать сильному. Его географическое положение, природные богатства, разнообразие и красота, все это привлекало к нему человека. Благодаря такому исключительному положению, Кавказ сделался центром древнейшей человеческой культуры. Здесь сохранились следы глубокой древности, начиная с древних пещер, служивших жилищем первобытного человека, каменных орудий и кончая высокохудожественными вазами и архитектурными памятниками. Конечно, история не знает о первоначальном его заселении. Существуют разные версии. Одна полагает, что население его образовалось от остатков тех народов, которые шли из Азии в Европу. Другая—что Кавказ сам является колыбелью человечества и месторождением так называемой Кавказской расы. По мнению Страбона, троглодиты жили в пещерах Кавказа. Греческий миф говорит, что всемогущий Зевс за дерзновение человека, похитившего огонь—аттрибут богов, приковал его к Кавказу и обрек на постоянное разрывание его орлом. По мифу можно полагать, что на Кавказе жил первобытный человек, которому принадлежит честь изобретения огня. Черноморское побережье, будучи защищено горами и морем и, с другой стороны, не имея сквозных проходов в Европу, по которым могли бы нахлынуть народы, переселявшиеся из Азии в Европу, служило природным убежищем и охраной культуры. Человек, будучи обеспечен с одной стороны богатством природы, с другой от нападения, должен был скоро начать культурную жизнь. Нет основания предполагать, что доисторические народы Кавказа были изгоняемы оттуда последующими нашествиями. Еще менее вероятно, чтобы большие армии и целые народы с чадом и домочадцами могли проходить через бездорожные Кавказские горы, с чем соглашается большинство ученых.

В позднейшее время, когда человек достиг некоторого развития и стал интересоваться своей прошлой историей, Кавказ стал возбуждать в нем высшие интересы, его окутали легендами и всевозможными сказаниями; даже в средних веках, сказания о Кавказе были полны поэзии, относили к Кавказу корень происхождения всех народов и вообще пытались провести от него путь расселения индо-европейцев, почему и вошло в употребление название Кавказской расы, принимаемое большею частью обитателей Европы и Азии и здесь же указывали о начале образования религиозных верований, развития искусства и т. д.

Кавказ, как часть передней Азии, ископи жил с ней одной культурной жизнью. Их процветание и падение совпадает друг с другом и вызываются общими причинами. Это ярко выражается в археологических памятниках, как в отношении общей Кавказской культуры, так и в особенности в отношении культуры южнокавказской.

Как ни мало исследован Кавказ, все же в нем найдены следы палеолитического человека, отысканные в 1898 г. французским археологом Де-Баем, в нынешней станице Ильской, к югу от Новороссийска. Позже эта местность была исследована геологом Н. И. Крыштафовичем. Трудами обоих исследователей установлено, что в нынешней Ильской ст. существовала палеолитическая стоянка. Ее остатки залегали под несколькими слоями наносного песка и гравия в песчанистой глине, отложившейся непосредственно на третичных нефтеносных породах. Среди отбросов стоянки найдены кремневые и, повидимому, кварцевые орудия, большое количество осколков с ясными признаками откола их рукой человека, а также кости мамонта и умышленно продольно расколотые кости первобытных быков и некоторых других животных. Кремневые орудия оказались древнейшей сколотой техники. Из них особенно обратили на себя внимание одно скребковидное орудие и один остроконечник, формами напоминающие французские орудия мустьерского типа. Уже в бронзовую эпоху культура Кавказа достигла весьма значительного развития. Между археологическими находками Кавказа есть типы древнейшей поры бронзовой эпохи, а Майкопские ножи и кинжалы оказываются одинаковыми с найденными Шлиманом в развалинах второго города Трои. Большой интерес представляет изучение рисунков на сосудах, где изображаются горные и речные ландшафты, оживленные растениями, животными и птицами, каковые имеются на Майкопских сосудах. Так, горный ландшафт, подобно Майкопскому, можно видеть на Месопотамских бронзовых блюдах. Еще более значительный интерес представляют Кавказские бусы из белой пасты. Одновременно с этими предметами на Кавказе появляются и белопастовые инкрустации керамики, также бронзовые изделия в виде рукояток кинжалов и мечей. К числу предметов местного Кавказского производства относятся разные изделия из металла, камня, кости и глины. Изделия из кости носят неолитический характер, отличаясь иногда замечательной изящностью отделки и целесообразностью формы. Далее, в пору железных орудий, Кавказ достигает высокой степени развития, когда возникли могущественные царства и политические союзы, память о которых сохранилась и поныне. В пору перехода от бронзовой в железную эпоху, Кавказ обладал уже сравнительно высокой культурой и был в деловых сношениях со многими весьма отдаленными странами. Характерною чертою этого периода является железная инкрустация бронзовых украшений на поясах. В Египте она пользовалась распространением лишь при фараонах IX династии, царствовавших между 1500—1320 г. до Р. Х. К этому времени относят Кобанские железные инкрустации, независимо от первоначального места техники, так как это могло иметь место только в главных очагах древней культурной базы, находившихся в это время в оживленных сношениях между собой. Некоторые ученые, как Э. Реклю и др., склонны считать Южный Кавказ центром первоначальной металлургии и исторической цивилизации. Население южного Кавказа в начале железной эпохи принадлежало к одному народу, распадавшемуся на большое число племен. Самым древним из них является племя „наири“.

Наири уже в начале ранней поры железных орудий отличались воинственностью. Так, Салманасар I, царствовавший приблизительно за 1300 лет до Р. Х., выстроил несколько городов,

предназначенных для защиты северных владений Ассирии от набегов племен Наира. Но такая мера не достигала цели и ассирийцам приходилось вести многочисленные войны с неукротимыми соседями. Ассирийский царь Тукульт Палешарр I, царствовавший с 1120 по 1100 г. до Р. Х., первым решился вторгнуться в земли Наира. Об этом событии есть две монументальные надписи, из которых одна сделана на искусственно-стесанной скале западнее озера Ван, а другая на восьмигранных призмах в развалинах Ашкура.

Однажды против этого царя составила коалиция из 83 племен. Отстаивая свою политическую независимость, Наири вынуждены были вести безпрерывные войны. Судя по Ассирийским записям, каждый царь, начиная с начала XI века до Р. Х., считал как бы долгом воевать с народом Наири. Некоторые цари выступали по шести и более раз, но не могли сломить могущества Наиров. Политическое значение Наиров еще более увеличилось. В это время возвышается племя Урарту, которое приобретает первенствующее значение. Цари Урарту носят титул царей Наиры. Урартский царь Араме выдерживает три войны в 860, 857 и 844 г.г. с ассирийским царем Саламанасаром, после чего племя Урарту отодвинулось к югу, ближе к ассирийцам. Седур, или Сардур I, царь Урарту, с успехом выдержал четвертое нападение Саламанасара. Это ободрило и еще больше сплотило народ Наиры, упрочив их гегемонию. С этого времени ассирийцы долго не могли проникнуть далее южных областей Наиры, часто сами терпели поражения и платились в результате своими землями. Царь Менуа распространил свое владычество в направлении к землям Хетов, а сын его Аргишт, сделал царя Хетов своим вассалом и покорил при Саламанасаре III Ассирию. Только усилиями таких могучих вождей, какими явились Ассирийские цари Тукульт Палешарр II и Саргон II, царство Урартов было вновь ослаблено и затем в VII в. до Р. Х. последнее окончательно раскололось.

Таким образом, политическая сила Кавказа и Закавказья всецело связана с народом Наиры, с которым связывается его наилучшее культурное процветание. Судя по дошедшим до нас памятникам, культура Наира носила вполне Месопотамский, Ассииро-Вавилонский характер. В стране Наиры уже с глубоких времен существовали многочисленные города, о которых в XII в. до Р. Х. упоминаются в надписях Ассирийского царя Тукульта Палешарра. Из этих городов особенно замечательными являлись Сугуния—резиденция могущественного царя Араме, Ани—впоследствии—Дюскурия времен великого Сесострата. Жители были зажиточны: в монументальных записях Тукульта Палешарра I говорится о несметном имуществе, взятом в добычу, а также о серебряных и золотых сосудах, бронзовых бусах и др. Воины одевались в узкие короткие одежды, опоясывались широкими поясами, на головах носили шлемы с высокими гребнями, на ногах высокие сапоги с согнутыми вверх носками. Оружием их служили копьа, княжалы, луки и круглые щиты. Боины сражались пешим и в конном строю.

Таковы, в общем, сведения о бытии главных обитателей Закавказья. Что же касается определения археологических памятников этого периода, то до настоящего времени в этом направлении сделано слишком мало.

В заключение остается указать на широкое распространение Кавказских культур в пределах Северной России, захватывающих значительную долю Русских погребений со скорченными костяками. Наиболее отдаленные следы Кавказского влияния существуют по верхнему течению Волги, где открыт целый ряд памятников культуры, так называемого фатьянового типа, а в Южной России в 1889 г. в селе Подгорцах, в 25 верстах от Киева, на берегу Днепра найден большой клад, среди которого оказался бронзовый пояс, совершенно схожий с Закавказскими поясами времен введения в употребление железных орудий. В последние годы на тех же берегах Днепра были найдены бронзовые топоры характерной Кобанской формы. Некоторые археологи, основываясь на совершенно ложном свидетельстве Византийского писателя Халкокондиласа Даоникуса, умершего в 1464 г., относили Кавказские бронзовые орудия даже по Р. Х., делая ошибку на целые тысячелетия. Благодаря каменистости Кавказской почвы, памятники разных веков и тысячелетий часто скопляются или на голых поверхностях скал или в весьма тонких растительных слоях, отложившихся на скалах. Неопытные исследователи, руководясь лишь признаками совместного нахождения памятников относят их к одному, обыкновенно, позднему времени. Таким объяснением памятников следует положить раз навсегда конец, как возникшим в результате неправильного чтения и понимания Кавказских древностей, появившихся в большом количестве перед судом науки и еще в то время, когда наука не имела достаточного критерия для определения времен и их появления.*)

II.

Исторические сведения об Абхазии.

По уходе с исторической сцены Урартов, в разных пунктах Кавказа начинают оперировать другие племена, как Армяне, Картли и др., но ни одно из них не сумело создать сколько нибудь значительного государства до христианских времен. С христианской же эры выступают, как организованное государство Абхазы; с ними считаются самые могущественные державы, какими в то время являлись Греческая империя и др. „Со II-го же века их сила идет в гору, пределы их политического господства расширяются.“**) Под рукой имеется один интересный документ, характеризующий политическое взаимоотношение Греции и Абхазии при великом греческом царе Льве. Документ этот относится к 457—474 г.г., приводится в журнале „Христианский Восток“ т. II, в. II, изд. Академии Наук и гласит: „В те дни прибыл Губаз-нанос, царь Абхазов, видеть блаженного Льва, царя Греков. Царь взял его и пришел к тому святому. Увидев зрелище странное и житие ангельское, Губаз-нанос пал на лицо свое и сказал: „благодарю тебя, царь небес, что ты удостоил меня, раба своего, через царя земного видеть великие чудеса и показать то, чего нигде я не видел на земле“. Была же у обоих этих царей некая земная забота об умиротворении и разграничении: до чего (простираются владения) Греции

*) Городцев — „Первобытная и бытовая археология“.

**) Марр — „Из лингвистической поездки в Абхазию“.

и Абхазского царя. Они поведали святому и рабу божью Данилу,*) который сделался посредником между ними. И положили они границей крепость Хупат и через (Данила) обещали друг другу мир и любовь. Царь вернулся в город и отпустил Губаз-наноса на родину. Прибыв в страну свою, Губаз-нанос стал рассказывать о благодати святого. Когда послы его отправились в Константинополь к царю, он писал письма блаженному, прося у него молитв; он не переставал поступать так до самой смерти“.

Несомненно, что в это время Абхазцы и Черкесы представляли одну государственную единицу; владения их, в разное время, простирались на север от р. Терека до р.р. Волги и Дона, а на запад по обе стороны Азовского моря и доходили до Крымских степей.* На западе, по берегу Черного моря, до самой Анапы жили Абхазские племена: абазины, абадзехи, шапсуги, убыхи, джигеты и др., следы пребывания которых остались и до настоящего времени в географических названиях и разного рода памятниках. Об этой части Абхазии очень мало известно в древнейшей литературе, которая до XI в. (когда именно, предполагается, произошло отделение черкесов от абхазов) была слабо развита и обслуживала, главным образом, нужды религии, если же и были какие либо сведения, то они не были использованы грузинскими историками XVII в., т. к. они далеко не задавались целью писать историю Абхазии, тем более, что эта часть Абхазии была уже давно отделена. В настоящее время и для науки и для самих абхазов и черкесов нет сомнения, что эти два народа представляют в прошлом одно целое, как по сходству языка, так и по сходству характера, веры, суеверий, нравов, обычаев, образа жизни, костюма, словом во всем. Это же подтверждается нахождением в теперешней магометанской Черкессии христианских памятников Абхазского происхождения, относящихся к V—X в.в.; конечно, не может быть речи, чтобы Абхазские цари могли столь успешно продвигаться на восток, не опираясь на силу своей северо-западной части.

Около VII в. движение Абхазских царей направляется на восток для объединения Картских племен. В этой борьбе принимают участие: Таокларджетские Багратиды, владельцы Кахетии, Тифлисский Эмир и цари Армянские; окончательная победа досталась Абхазским царям, которые в последствии объединяют все Картские племена.

„Картлис Цховреба“ говорит что — в это время Абхазия была единственной частью Кавказа, которая собственной безопасностью и плодородством почвы способствовала физическому и моральному усилению ее царей“. „Картлис Цховреба“ подробно перечисляет деятельность абхазских царей на протяжении до XV в. отмечая отдельные моменты их завоеваний и деятельности в области строительства и т. д. Несмотря на то, что это может показаться скучновато, все-же необходимо проследить некоторые подробности об этих царях.**)

В 786 г. Леон II, Абхазский царь, занял Мингрелию, Имеретию и все пространство до Сурамского хребта и на реке Рионе основал свою столицу и крепость Кота, впоследствии Кутаис.

*) Даниил—Столиник.

**) См. „Картлис Цховреба“; „Хроника Абхазских царей“, „Абхазские Каталикосы“—Ф. Жордания; Бараташвили и др.

Завоеванную страну Леон назвал Метрополней Абхазии и разделил свое царство на округа: 1 округом была самая Абхазия, 2 Цхомский, от реки Ингуры до Алании, 3 Бедийский, 4 Гурия, 5 Рача-Лечхумский, 6 Сванский, 7 от Цхенис-Цхали до Сурамского хребта и к югу по течению Риона.

Росту Абхазского царства не в силах была мешать Греческая Империя, а по трактату 686 г. Аравитяне не имели права переходить за Сурамский хребет.

В 806 г. умер Леон II, оставив престол свой сыну своему Феодосию. В 809 г., когда возникла ссора между сыновьями Аравийского Халифа, Куропалат Ашот, выдав свою дочь за Абхазского царя Феодосия, просил помощи его. Феодосий оказал помощь и с этой помощью Ашот направился в Карталинию. Григорий, владетель Кахетии, опасаясь за себя, счел необходимым поддержать второго Эмира Тифлисского Ли, сына Шуби. Созвав Кахетинцев и соседних горцев, он присоединился к Аравитянам. Произошло сражение на берегу реки Ксани, где все союзники были разбиты и принуждены были победителю уступить Карталинию. Такое расширение власти Абхазского царя не нравилось Византии. Отношения Абхазии к Византии в разные времена были разные; встречаются лишь случайные известия об отдельных событиях, не дающие возможности восстановить связный ход исторической жизни. Известно, что при Юстиниане I под начальством Улигага и Иоанна была занята неприступной крепость Трахея. Затем при Юстиниане II в 572 г. и при Ираклии в 624 г. Абхазы помогали Византии в борьбе с Персией. При Юстиниане Рипотмите Абхазы являются врагами Византийцев, при чем Протоспафарий, Лев (будущий император Лев Исавр) действует против Абхазии при помощи Алан. В IX в. при Феофиле и сыне его Михаиле III византийские армии трижды потерпели от Абхазии поражения.*) В 831 г. была греками сделана высадка для покорения Абхазии. Эта экспедиция была отражена, но она убедила, что греки готовы при возможности завладеть страной.

К Феодосию относится честь основания города Хони и Хонского собора. Во время опустошительного нашествия турок под предводительством Бага, Феодосий, желая прекратить его дальнейшее движение, могущее быть опасным и для Абхазии, принял сторону Карталинцев, прошел с войсками Сурамский хребет и расположился около Кварцхоби. Хотя в этой войне Феодосий потерпел неудачу, но все же помешал движению врага вглубь страны. В 845 г. Феодосий умер. На престол вступил его брат Георгий I, который в 876 г. после смерти Баграта I, занял Карталинию и посадил на престол одного из своих племянников, сына Димитрия, Тинена. В 877 г. умер Георгий; хотя после смерти его сейчас же наследовал сын его Иоанн, царица, мать Иоанна, желая уничтожить всякое влияние детей Димитрия в делах управления Абхазским царством, велела захватить Тинена и убить в темнице, а малолетняго Баграта вызвать из своих владений, но последний был спасен неизвестными людьми и на корабле доставлен в Константинополь. Иоанн умер в 878 г. В 879 г. вступил на престол Адорнасе-Афанасий. Баграт с помощью своего шурина Нарсира в 887 г. убил Адорнасе и, завладев престолом, женился на его вдове. Затем, вызвав Нарсира и снабдив его вой-

*) Латышев В. В. „К истории христианства на Кавказе“.

ском, направил на Карталинию. Баграт I, царь Абхазский, вторично занял самую Карталинию. Он умер и на престол вступил в 896 г. Константин, который сильно поддерживал право завоевания своих предшественников. Константин предпринял поход против Квирке и Армения была предана разрушению огнем и мечем. В таком состоянии Армения в 915 г. Ашот, сын Сумбата, прозванный последним, собрал самых отчаянных голов и обратился к Абхазскому царю с просьбой признать его царем Армении, на что Константин согласился и вместе с Адорнасе возложил на него корону и содействовал ему в неутомимой войне, которую он объявил Аравитянам. Константин умер в 921 г., а сын его Георгий II в начале царствования Сумбата I, сына Адорнасе, подчиняет Карталинию и ставит царем ее сына своего. Из этого видно, что левый берег Куры был занят Абхазами, но в промежутке времени от смерти Абхазского царя Константина I до смерти Адорнасе, от 921 до 923 г., Карталиния выходила из повиновения абхазского царя и что вторжение Георгия II в Карталинию имело целью восстановление порядка в границах царства своего отца. Это тем более вероятно, что после смерти Константина Абхазия была встревожена междо-усобной войною Георгия I против брата его Баграта II, за престолонаследие. Царству угрожало распадение, если-бы не скорая смерть Баграта. Царевич Константин, в течении трехлетнего правления Карталинией, заслужил признательность карталинцев. Увлеченный военными успехами, он в 926 г. задумал отделение Карталинии от Абхазского царства. Георгий сначала не верил, но лишь убедился в этом, с многочисленными войсками двинулся в Карталинию. Царевич вошел в Уплис-Дихс, многочисленности абхазцев противопоставил естественные местные укрепления. Долго длилась осада без всякого успеха. Наконец Георгий прибег к хитрости, и, составив депутацию, подослал ее к Константину будто бы с тайным поручением от войска, что оно с нетерпением ждет появления его в свой стан, с тем, чтобы свергнуть его отца и объявить его своим царем. Константин поддался обману и пренебрег всеми предупреждениями карталинцев и он ночью сел с несколькими воинами на плот и поплыл к лагерю. Но плот стал на мель и утром, на виду у обеих сторон, абхазцы поймали его. Вскоре он был приведен к отцу. Георгий приговорил его к смерти. Вместо него Георгий назначил в Карталинию другого сына, Леона, но уже не с титулом царя, а с званием эристава. В 929 г., в начале правления Квирке II, в Кахетии произошло волнение между гордобанцами и коренниками, Георгий отправил в Кахетию Квирке; не надеясь на успех в борьбе с Георгием, Квирке явился к нему с покорностью. Спусти несколько времени, Квирке задумал бежать от него, но Георгий, узнав об этом, арестовал его. Брат Квирке без сопротивления сдал Удисармо и несколько других укреплений; оставались непокоренными только четыре крепости: Бочорма, Нахичеван, Лоцбани и Маран. Две последние крепости принадлежали двум братьям Иоанну и Хохо Арендзе. Первая сдалась без особого сопротивления, но Маран долго держался и взят был штурмом. Хохо был сослан в западную часть Абхазии—Джгети. Такого же участь должны были ожидать и др. крепости и лишь только Георгий приступил к осаде Нахичевана, Квирке прислал ему отречение с просьбой освободить от заточения и дать ему перезимовать в крепости

Бочорме, обязуясь всеюю выселиться из Кахетии. Несмотря на то, что царевич был сильно против этого и советовал отцу не исполнять просьбы Квирке, Георгий исполнил ее.

Квирке не оставил Кахетии. Поддерживаемый дворянством, он отказался от отречения и выгнал абхазцев со всех крепостей, занятых ими. Известие это до того огорчило Георгия, что он заболел, а для наказания Квирке отправились войска под предводительством Леона. Как только царевич прибыл в Кахетию, пришло известие о смерти Георгия. Леон возвратился в Абхазию, где и вступил на престол. И под именем Леона III заключил мир с Квирке в 955 г. Известно, что Георгий II вел междо-усобную войну с младшим братом Баграта II, женатым на дочери эристава Гургена, который умер 922 г.

„Картлис-Цховреба“ представляет Георгия человеком прекрасной души и наружности, умным, деятельным, строгим блюстителем правосудия и сострадателем вдов и сирот. К Георгию II относят построение многих церквей и храмов Дачкондиди, которые он обратил в кафедру епископа. Леон III царствовал всего два года. Он построил знаменитый храм в Моквах, им же обращенный в кафедру епископа. Леон не оставляет после себя детей и на престол в 957 г. вступает брат его Деметрий. У Георгия II, кроме Леона и Деметрия, был еще третий сын Теодосий, который воспитывался в Константинополе. Как только Теодосий узнал о вступлении на престол Деметрия, он прибыл в Самцхе и начал готовиться к нападению на брата, но был разбит войском Деметрия и принужден был бежать в Карталинию под покровительство сильного феодала Адарнасе Дзеселеса. И после такой неудачи он не оставил домогательств на престол Абхазии. Теодосий сначала прибегал к помощи владетелей юго-западных областей, но не найдя между ними сочувствия, отправился в Кахетию, где нашел более надежную поддержку. Деметрий же, не желая вступать в открытую борьбу, решил покончить с этим домогательством другим путем и через посредство Квирке II, заявил, что желает помириться с братом. Присяга была с обеих сторон принесена торжественно в Мцхетском соборе, в присутствии знатнейших людей, что забудут прежнюю вражду и будут вместе пользоваться наследством отца их Георгия. Примирившись с братом, Теодосий вернулся в Абхазию. Деметрий однако привел в исполнение свой злой замысел, он велел схватить Теодосия, выжечь ему глаза и бросить в темницу. Этот безчеловечный поступок взволновал и оттолкнул всех от Деметрия. В 979 году Абхазы свергнули Деметрия и сына его, вывели из темницы слепого Теодосия и провозгласили своим царем, а над Карталинией назначили Баграта III, сына Гурундухты, дочери абхазского царя Георгия. Слепой Теодосий II, возведенный на престол в порыве сочувствия к его несчастью, не мог управлять царством. В 985 г. его свергли и провозгласили царем его племянника, Баграта III, как единственного прямого наследника. Баграт III, царь Абхазский, с вступлением на престол усиленно занялся восстановлением порядка на западе от Сурамского хребта, где со времени царствования Теодосия II не прекращались волнения, но в это время в Карталинии составили заговор об устранении его от власти над этой областью. Главой этого заговора был Кавтар Тбелин, под предводительством которого собралось значительное число вооруженных карталинцев, занявших пути сообщения между Абхазией и

Карталиншей. Баграт поспешно подавил это восстание. В короткое время он, казалось, привел все в порядок и возвратился в Кутаис. Но скоро опять разнеслась весть о восстании карталинцев под предводительством Рати Орбелиани. Этот князь владел обширными землями на юге реки Куры от Аteni и Киде-Кары до Триолети и, кроме того, ему принадлежали Манглис и Скверети. Он пригласил всех владетельных князей Карталинских и Армянских и двинулся к Триолети.

Баграт III, не желая сражаться с ними, отступил в Абхазию. Орбелиани распустил сообщников; воспользовавшись этим царь Баграт быстро двинулся в Карталиншу и осадил Киде-Кары. Застигнутый врасплох, Рати вышел из крепости, принес безусловную покорность Баграту, представил в заложники сына своего Липарида и отправился на жительство в назначенное ему место в пределах Абхазского царства в Аргвети. Известно, что сановник Давид Куропалат, умирая, завещал свои наследственные владения императору Василию. В 1001 году Василий приезжал осматривать вновь полученные владения и в знак своего расположения к Баграту III дал ему титул Куропалата, а его отцу Гургену-Магистру. Гурген умер в 1008 г. Баграт стал умножать войска, как для управления царством, так и для увеличения своих владений. Баграт, владея всею Грузией, кроме Кахетии, потребовал от Коренископа Давида, преемника Квирке II, полной покорности и передачи некоторых крепостей. На требование это Давид ответил об'явлением войны. В 1010 г. Баграт вторгся через Тионети в Кахетию и вскоре занял часть ее, называемую Эретией, которую отдал во владение князю Абулалу. Но по уходе Баграта, Эретцы изгнали Абулала и подчинились опять Давиду. В 1012 г. он окончательно присоединил все народы Картского племени к своему царству и стал заботиться о безопасности границ своего царства. В это время самым опасным и беспокойным соседом Кахетии был—Эмир Шарва, называемый в „Картлис Цховреба“ Падлоном. Безпрестанные нападения, которые он производил на эту область, заставили Баграта двинуться в Ганьжу и пригласить на помощь армянского царя Гачика I. Гачик, в свою очередь ненавидевший этого Эмира, поспешил принять приглашение Баграта. Войска обеих царей соединились в Зоракерде. Падлон, не надеясь успешно действовать против союзников, заперся в Шанхорской крепости. Союзники осадили ее и в короткое время разрушили городские стены.

Накануне того дня, когда союзники полагали вступить в город, Падлон послал просить мира, предлагая свою покорность и дань. Царь не давал ответа посланнику, собрал военный совет и предложил ему не принимая этих условий, взять город и захватить Эмира в плен, но когда совет представил это дело трудным и требующим больших жертв, то согласились на мир и возвратились с большими подарками, поднесенными Падлоном.

Баграт III, царь Абхазский, умер в 1015 г. во время путешествия по своему царству в области Тао. Тело его перенесено в центральную Абхазию и предано земле в Бедийском храме.

Последние годы жизни Багратом были употреблены преимущественно на устройство повсюду прочного внутреннего порядка и на увеличение наружного блеска, украшение церквей, постройки новых, между которыми замечательны Кутаисский и Мцхет-

ский соборы. Память об этом царе сохранилась на многих церковных надписях и церковных утварях. Слава Баграта III омрачается тем, что он, чтобы раз навсегда избавить свое царство от раздробления, пригласил к себе всех Баградитов в Самцхе, под предлогом совета, захватил всех их и заключил в темницу. Спаслись бегством в Константинополь только два молодые князя: сын Сумбата—Баграт и сын Гургена—Димитрий. В 1015 г., после смерти Баграта III, на престол вступил сын его Георгий III. В это время царство его заключало в себе весь берег Черного моря от западной оконечности главного Кавказского хребта до провинции Понти, Имеретию, Самцхе, Тао, Кларджети, Самхети и Карталинскую до устья реки Храма, за исключением города Тифлиса до верхов Алазани. Несмотря на то, что Баграт III оставил свое царство в блестящем состоянии, после его смерти неминуемо должны были возникнуть новые безпорядки. Между тем, как Тифлис был еще в руках Аравитян, Кахетия имела желание и возможность отделиться. Далее—истребление младшей линии Баградитов, присоединение владений их, Тао и Кларджети, к Абхазии, тогда как они принадлежали Греции—и, наконец, участие, возбужденное в Византийском дворе судьбой молодых князей Баграта и Димитрия, должны были служить причиной к новым кровопролитиям. Как только Кахетинское дворянство узнало о смерти Баграта, оно восстало против эристава его и призвав опять Квирке III, возвело его в звание царя Кахетинского. Из летописи не видно, чтобы Георгий III вел за это войну, видно только, что по приглашению Георгия, Квирке своими войсками выступил против Греков, что приводит к более вероятному заключению, что Георгий добровольно уступил Кахетию прежнему владельцу, считая более полезным для себя иметь в этом умном человеке и в целом народе верных союзников, нежели враждебных подданных. Вслед за отпадением Кахетии, император Василий Бугарантон потребовал от Георгия возвращения ему бывших владений Давида Куропалата, отданных временно отцу его. На это Георгий ответил ему письмом, что он ни одной пяди земли не уступит из владений, оставленных ему отцом.

Несмотря на такой ответ, Василий не предпринял ничего против Георгия и в продолжении нескольких лет он вел с ним только дипломатическую войну. Через это Георгий приобрел выгодное мнение между его подданными и соседними народами. Когда в 1020 г. умер царь Армении Гачик I и между его сыновьями Иоанном и Ашотом возник спор за престолонаследие, они прибегли к суду Георгия. Георгий разделил их и короновал Иоанна, как старшего брата, присвоив себе право наблюдателя за сохранением раздельного акта между братьями. Не прошло много времени, как один из армянских вельмож, сторонник Ашота, донес Георгию на Иоанна, как нарушившего условия отнятием у него крепости Шатак. Большая часть армии не любила Иоанна за то, что он не обладал военной способностью, столь необходимой в то время для внешнего и внутреннего спокойствия. Георгий принял сторону народа; тогда Иоанн объявил войну, но был побежден; была взята столица его Ани и многие другие важные пункты Армении. Армянская аристократия разделилась на партии и открыла междоусобную войну. Ашот, будучи не в силах восстановить порядок, бежал в Константинополь, просить помощи императора. Этот случай вывел из терпения императора. Василий

решил принять меры укрощения Георгия, который не только не хотел добровольно возвратить области, завещанные ему, но распространил свою власть над другими царствами, издавна находившимися под владычеством Греческой империи. В 1021 году Василий, во главе многочисленной армии, двинулся в Кларджетию. Георгий со своей стороны, собрав значительные силы, вышел ему навстречу и стал лагерем против Греческой армии. Но ни одна из воюющих сторон не начинала боя. В перемирии проходило долгое время, пока наконец энергия Георгия взяла верх над благоразумием, он сделал фланговое движение, обошел Греческий стан, разбил и сжег его, далее двинулся на Колу, но император поспешил за ним и на этом пути, около селения Шаримата, авангард его настиг армергард Георгия, произошла битва, в которой понесли большой урон с обеих сторон. Узнав о сражении, происшедшем в армергарде, хотя помощь уже была поздна, Георгий немедленно направился туда, встретил там Василия со своею армиею и тут же вступил с ним в бой. Несмотря на усталость его войск и несоразмерность с численностью неприятеля, он напал на него с такою стремительностью, что греки подались назад и потерпели чувствительный урон. Как велика ни была подобная храбрость и отвага в войсках Георгия, численность греческого войска начала брать верх, шаг за шагом преследуя и истребляя войска его. Дойдя до Артани, Георгий вступил сначала в Самихе, потом в Джавахетию, а Василий не отставал от него, заставляя его очищать область за областью, которые греки сжигали и грабили без пощады, забирая мирных жителей в плен. Наконец Георгий прибыл с остатками своего войска в Триолети. Здесь, получив значительную помощь от Кахетинского ополчения, Георгий вновь ободрился и хотел отразить Греков, но его приближенные отговорили его самому начинать бой. Греческий император также не решался рисковать и, боясь остаться зимою в горной местности, возвратился в Понти, вторично разграбив области Самихе, Тао и Кларджетию.

Отправляясь на восток, император Василий в Константинополе оставил двух полководцев своих—Фоку и Ксиниаса—для управления внутренними делами. Полководцы эти, недовольные таким распоряжением, по удалении его, покинули свои посты, пришли в Каппадокию и, собрав остальные войска, объявили восстание против императора. В войсках Василия распространилась тревожная молва, будто Фока и Ксиниас действуют заодно с Георгием. Василий, желая выпутаться из этого затруднительного положения, начал с Георгием переговоры о мире. Переговоры длились целую зиму, но мир не был заключен, а за это время Василий успел хитростью расстроить отношения Фоки к Ксиниасу, довести последнего до необходимости убить первого за то, что партиею Фоки Ксиниас был выдан ему.

Покончив дело с мятежниками, Василий весною 1022 года прекратил все дипломатические сношения с Георгием и двинулся в Кларджетию. Такой неожиданный переход от уверенной благорасположения к вторжению, застиг Георгия врасплох. Он послал своего полководца Звиаду, с наскоро собранным войском, уверить Греческого императора, что Георгий согласен на все условия мира и таким образом удержат его там на месте, пока он сам не придет со всем остальным войском. Вслед за этим Георгий соединил все части своего войска, объявив, что они собраны не

для заключения мира, а для борьбы до крайности с неприятелем. Насколько Греки были уверены в успехе своем, настолько-же Абхазы оказались воодушевленны желанием защищать свое отечество, изъявили готовность открыть войну и скорее погибнуть всем,—если такова судьба их,—нежели поддаться обману Василия и заключить с ним униженный мир. Рыцарский дух царя Георгия увлек войско, произошла страшная битва около селения Свиндаке, в начале которой Георгий одержал победу, но победа в конце концов осталась за безчисленным войском Греческого императора и был заключен мир, по которому Георгий уступил Василию все владения Давида Куропалата и отдал заложником сына своего Баграта. В 1025 г., 12 декабря, по условию мира, царевич Баграт вернулся на родину. Через 2 года, в 1027 г., умер его отец Георгий. Баграт, будучи 9 лет от роду, вступил на престол под именем Баграта IV. В это время в Греции царствовал Константин, сын Василия, который изменил отношение Византийского двора к Абхазскому царству. По молодости Баграта IV, царством управляла его мать, дочь Сennaхараба, которая вернула те крепости, которые Георгий уступил царю Василию. Византийский царь Константин отправил опять войска в Абхазию, но Константин умер в 1028 г., а наследник его Роман, не желая продолжать войну, вытребовал войска обратно. Поветствуя об этом событии, летопись заканчивает следующим характерным выражением „И было дело между ними покончено по взаимному удовольствию“. Греческий царь Роман Лакопан выдал за Баграта IV свою племянницу, дочь Василия, и почтил его титулом Куропалата.

Таким образом, около 1032 г. между Абхазским царем и Грецией был восстановлен мир. Но несмотря на родство и личное расположение Романа к Баграту, греки не отказались от передачи им древней первопрестольной столицы Абхазии, Анакопии. Георгий, отец Баграта IV, имел, от второго брака с дочерью осетинского царя Алды, сына Димитрия, который остался также малолетним под опекою деда. Димитрию была предоставлена бывшая столица Анакопия. Честолюбивый Алда сначала предложил дворянству о расширении прав своего внука в ущерб прав Баграта IV, но не имея в этом успеха и боясь, чтобы это домогательство не сделалось пагубным для Димитрия, решил, под видом желания приобрести дружбу Греческого императора, предложить принять Анакопию, как город, перешедший от Георгия в его распоряжение. Византийское правительство, не взирая на родство и хорошее отношение, приняло предложение Алды и Греки заняли Анакопию в 1033 г.

На эту важную потерю Баграт не смел протестовать в виду политических соображений. В 1036 г. эмир Абдул-Севада, собрав многочисленное войско, напал на царя восточной части Армении Давида; Давид обратился за помощью к Баграту; Баграт отправил значительное войско. Но выступлении их в поход к ним присоединились и другие союзники Давида: царь западной Армении, эмир Тифлиский Джафар. Пока собирались союзные войска, неприятель уже успел захватить большую часть владений Давида, но лишь сошлись обе стороны, Абдул-Севад был атакован и разбит наголову. Эта легкая победа над одним из сильнейших эмиров воодушевила предводителей и они не хотели уже отлагать освобождения Тифлиса от неприятеля. В 1038 г. Баг-

рат IV осадил Тифлис. Осада продолжалась два года. Г'брод не был взят вследствие заговора против царя Баграта. После усмирения мятежников, царь предпринял поход в Кахетию и в одном сражении, близ Г'ори, разбил и взял лучших Кахетинских военачальников и оттуда проник в Тионети, сжег Боржомский дворец, занял все укрепленные места и возвратился в Карталинию. Весной 1042 г. Баграт осадил Анакопию и довел положение ее до невозможности держаться, но в это время случилось другое более важное событие: Джафар-эмир Тифлисский—умер и Тифлис поспешно звал Баграта принять ключи города, пока не явится заместитель Джафара. Царь оставил под Анакопией часть войска и поспешил в Тифлис. События в Армении 1045 г. подали повод недовольному Липариду вновь открыть военные действия против Баграта. В этом году Византийский двор, желая завладеть частью Армении, где царствовал сын Ашота, Гачик II, вероломно завлек его в Константинополь и держал там. Но пока Греки думали прислать своего правителя с войском, Армяне, угадав намерения их, разделились на партии. Одни хотели призвать на царство Давида, другие Абдул-Севада, зятя Давида, а третьи подали голос в пользу владычества Баграта IV и потому Баграт, как только прибыла к нему депутация, тотчас-же послал свои войска под предводительством Эристава Абусера, который принял столицу Армении Ани. Вскоре прибыла туда и мать Баграта, Мария, с целью освятить право сына на это обладание, напоминая армянам свое происхождение из царей Армении. Лишь только узнав об этом, Константин Мономах поспешно отправил к Липариду Димитрия с значительным греческим войском и казною на военные расходы и приказал отнять у Баграта не только Армению, но и царство его и возвести на престол Димитрия. Липарид напал на город Ани, где была еще царица Мария. В этих войнах Липарид имел успех. Весною в 1046 г. к Баграту прибыли на помощь 4000 варягов („Картлис Цховреба“) месхийцев. С помощью их Баграт одержал перевес. Липарид своим тяжелым характером вооружил против себя всех и был передан на суд Баграта. Баграт выказал великодушие, простив Липарида, а сыновья его принуждены были оставить свое отечество. Липарид, видя общее нерасположение народа, последовал за своими сыновьями, оставил родину и умер в Константинополе.

Из хроники абхазских царей, найденной историком Ф. Жордания, известны другие победы Баграта, неизвестные в истории, а именно поражение Багратом IV Сельджукского султана Махмуда, опустошившего южную часть нынешней Грузии и Армении.*) В борьбе с Багратом IV, Димитрий умер в крепости Анакопия, а малолетний сын его скрылся в горах Осетии, где он вошел на престол и откуда потомки его вторично вошли на престол Абхазского царства, в лице Давида Сослана, мужа царицы Тамары. За Багратом был царем Георгий, отец Давида Возобновителя; Давид, будучи еще юношей, управлял вместе с отцом; при нем завоеван Тифлис. Он является одним из выдающихся царей Абхазии. По сведениям хроники Абхазских царей и Греческих, младшая дочь Давида Возобновителя Кати, была выдана замуж за сына Греческого императора. Давид умер в 1139 г. На престол вступает Димитрий I, который в 1139 г. покорил город Дербент и увез городские во-

*) „Хроника Абхазских царей.“ Ф. Жордания.

рота для Кутаиса. Дочь Дмитрия вышла замуж за русского великого князя Изяслава, сына Мстислава Великого, внука Владимира Мономаха. Об этом событии упоминается в русской летописи Нестора, указывающей, что посланы в Абхазию послы просить руки дочери Абхазского царя. Дмитрий I умер в 1154 г. после него был царем Давид III только 1 год, затем Георгий III, отец царицы Тамары, с 1156—1184. Славное царствование Тамары было между 1184—1212 г. Многочисленные полчища под предводительством Мало-Азиатских султанов, нападавших на восточную часть Абхазского царства, при ней понесли жестокое поражение. Она же создала в 1204 г. Трапезундское царство, просуществовавшее около 300 лет. На ряду с военной славой, в царствование великой царицы возросло политическое могущество и духовные богатства Абхазского царства. Тамара вступила в брак с сыном Андрея Боголюбского, князем Юрием. Этот брак она расторгла и вторично вступила в брак с Давидом Сосланом. Блестящее политическое положение и экономическое значение страны совершенно ослаблены при преемнике царицы Тамары, ее сыне Георгии Лаше и при последующих царях до Георгия Блистательного (1318—1346), который вернул Абхазии прежний блеск. Но не долго пришлось продолжать такую мирную жизнь. Многократные походы Темура, при царе Баграте 1386—1403, сопровождавшиеся жестокостью, повергли страну в неописуемое бедствие и не раз вспыхивали в стране восстания. Некоторое облегчение от этого гнета произошло при Александре (1413—1442 г.) Неистовства Темура были настолько тяжки, что вернуть прежний блеск и могущество было невозможно.

После взятия Константинополя турками и падения Византийской империи, в конце XV в., произошло распадение Абхазского царства на три царства: Кахетинское, Карталинское и Имеретинское и на пять княжеств: Самцхе—Саатабего, Гурию, Мингрелию, Сванетию и Абхазию. Таким образом, Абхазское царство распалось и измельчало, а внутренние трения среди самих царей вызывали взаимную вражду и братоубийственные войны. При таком положении вещей нетрудно было врагам использовать слабость отдельных мелких государств и все дальнейшее существование страны производит удручающее впечатление. Таким образом, XVI и XVII в.в. являются эпохой наибольшего падения во всех сферах жизни этих разрозненных частей бывшего Абхазского государства. За этим острым испытанием национального самосознания,—в умах передовых деятелей начинает пробуждаться идея объединения Картских племен под общим названием уже не Абхазского, а Грузинского государства.

Особенной заботой и деятельностью на этом поприще отличился царь Вахтанг IV (1703—24 г.г.), который основал первую типографию, кодифицировал законы, составил новое „Уложение“, собрал все распоряжения и установления, касающиеся государственного и административного права, дополнил и отредактировал летописный сборник „Картлис Цховреба“ из исторических материалов Абхазского царства. Вот откуда происходит начало той исторической ошибки, о которой мы говорили выше! Стремления грузинских патриотов иметь свою историю, освобожденную от нежелательных им исторических фактов, привело к тому, что большинство фактов Абхазской истории получило тенденциозное ос-

вещение, вследствие чего исторический облик многовекового Абхазского государства изменился, претворившись в новой Грузинской истории. И потому П. Я. Марр, еще в 1912 году, не будучи знаком с Абхазией, сказал: „в Абхазии, в широком смысле этого термина, возродилось новое грузинское царство“. А в другом месте, позднее, он прямо говорит: „История Абхазов есть начало истории Грузии“. Не только истории одних народов переходили к другим, но часто совершенно пропадали следы существования целых наций.

Такое явление в истории не ново. Еще недавно о древних народах Месопотамии почти ничего не было известно и большинство из них казались мифическими. Только в 1877 г., совершенно неожиданно, наука открыла существование Суммер-Аккадов, сыгравших выдающуюся культурную роль в древнее время. Таким образом, сделались явными весьма оригинальные и самобытные формы политической и общественной жизни целой древней нации, бывшие доселе скрытыми и совершенно ускользнувшими от глаз науки.

Другой пример: после смерти Соломона, около 983 г. до Р. Х., Еврейская монархия распалась на два самостоятельных, независимых друг от друга царства: Иудейское и Израильское. Вскоре между обоими этими царствами возникло отчуждение, которое длилось до самого падения Еврейского государства. Живя в течение долгого времени во вражде и независимо друг от друга, народы этих царств постепенно усвоили различные права и обычаи, а после Вавилонского пленения иудеев они стали даже говорить на различных диалектах и писать различными письменами.

Далее известно, что финикиянам незаслуженно приписана честь изобретения: алфавита, цифр, весов, чеканки монет, стекла, фаянса и многих других производств промышленности.

История знает еще более курьезные вещи, когда целая нация незаметно рассасывается, а на ее место и с ее именем являются другие народности. Примером может служить Греция, где, после ее превращения в Римскую провинцию, коренное население постепенно уводилось, а его место заменяли другие.

Таким образом, многовековая Абхазская культура, воспринятая и претворенная в позднейшей грузинской истории, как-бы поглощается этой историей, многие факты абхазской истории получают тенденциозное освещение.

Однако, как ни старались историки-патриоты, они не могли бесследно поглотить историю Абхазии с ее многочисленными историческими памятниками, рассеянными по всему Кавказу, как-то: надписями на всевозможных сооружениях и церковной утвари; историческими документами в разных монастырях; монетами; географической номенклатурой; лингвистическими данными; сведениями в иностранной литературе и многими другими, о чем будем говорить ниже.

При описании Икорской иконы 957 г., Д. Баградов описывает иконостас, украшенный золотом, покровом Багратом и матерью. На ней иконостас. В верхней части чаши. Следующего содержания. Святая Матерь Божья предстает перед Богом.

III.

Надписи на церковной утвари.

Христианские памятники играют доминирующую роль в истории Абхазии, т. к. она приняла христианство с первых веков и уже в III-м в. имела своих епископов, которые принимали участие в Никейском и др. вселенских соборах; затем, абхазская церковь имела своих католиков, сперва зависимых от Антиохийского патриарха, а потом, при Абхазском царе Леоне, в 786 г., независимых.

«Между прочим, один из этих католиков, на иконе Антиохийского католика в том, что Абхазская церковь не подчиняется Антиохийскому патриархату, кафедра которого основана самим первоверховным апостолом, отвечал, что Абхазская церковь основана апостолом Андреем Первозванным, братом Петра, и Симоном Канонитом, почему следует, чтобы призванный подчинился призвавшему и потому Антиохийские католики должны подчиниться Абхазской церкви, а не наоборот.»*)

На иконе Богородицы, находящейся в Хонском монастыре, в Мингрелии, имеется над самой иконой, на узкой каемке, надпись: „Все святая Богоматерь предстательствуй перед Христом за дом царя Леона.“

Упомянутый здесь царь Леон есть известный Абхазский царь; академик Броссе писал, что „Вся лицевая сторона иконы устроена при Абхазском царе Леоне III, умершем в 957 г.“. Более подробные сведения об этой иконе и надписи дает академик Н. Кондаков в своей замечательной книге, озаглавленной „Опись памятников древности в некоторых храмах и монастырях Грузии“. Н. Кондаков пишет: „И действительно, по венцу, украшенному густо камнями: аметистами, сапфирами, изумрудами,—вставлено восемь орнаментальных эмалевых бляшек, по технике тождественных с эмалями Миланского престола, а по технике и рисунку с крестом Мартвели, что является для нас более доказательным фактом в пользу происхождения этих эмалей из древнейшей эпохи. Эти бляшки представляют или особый тип флерона с темно пурпурным фоном, красною точкою внутри с голубыми листками по краям, а этот тип розетки известен по чаше Хозроя VI в., находящейся в национальной библиотеке в Париже. Надпись эта не оставляет сомнения, что орнаменты на венце иконы возникли в X в. Упомянутый в этой надписи Абхазский царь Леон III, воздвигший замечательную в архитектурном отношении кафедральную церковь Кумурдскую в Ахалкалакском уезде и умерший в 957 г., оставил икону, конечно, в дорогой золоченой оправе. Эмали этой оправы, как было замечено, тождественны по технике с эмалевыми украшениями престола церкви Амвросия в Милане. Пастоящая икона и крест Мартвели подтверждают, что эмалевая техника на престоле Милана восточного происхождения.“

*) „Абхазские католики“ Ф. Жордания.

При осмотре Илорской драгоценности в 1865 г., Д. Бакрадзе делает описание напрестольной чаши из массивного золота, пожертвованной Бедийскому храму Божией Матери, строителем ее царем Баграта и матерью его, Гурундухтою. На ней имеются рельефные изображения святых апостолов. В верхней части чаши кругом идет надпись с заглавными буквами следующего содержания: „Святая Матерь Божия, будь ходатайницей перед сыном Твоим за Абхазского царя Баграта и матери его царицы Гурундухты, пожертвовавших сию чашу, украсивших сей алтарь и построивших сию Святую церковь“, а указанный в этой надписи Баграт есть Абхазский царь Баграт III, царствовавший от 977—1015.

На выносном кресте в Цаиши есть надпись: „Крест животворящий, прославь царя Абхазцев Куропалата Баграта“. Н. Кондаков утверждает, что по характеру письма надпись относится к XI в. Броссе предполагает, что здесь говорится о Баграте III. Но трудно сказать, какой именно Баграт, из Абхазских царей Баграт III (977—1015), или Баграт IV (1027—1072), упоминается здесь, т. к. оба они титуловались Куропалатами.

Из Лапидарных актов Кутаиса, которые относятся к временам Баграта III, надписи на трех из них и поныне передают потомству следующее: „О, владыка, повелитель всех царей, влеще прославь мощного Баграта Куропалата Абхазов Картвели царей с отцом матерью, царицею и сыном их аминь“. Вторая надпись гласит: „Помощию Божию Баграт царь Абхазов и Карталин и мать его Гурундухта построившие святой храм“. Третья надпись: „Когда помост был положен, был (год) короникона 223“. Первая показывает титул царя, сохранив при имени царя и имя Гурундухты, матери его, ясно указывает, что Баграт, сооружитель храма, не мог быть иной, как Баграт III, сын Гурундухты, третья надпись подтверждает сооружение храма Баграта III, указанием 223 года короникона соответственно 1003 г., в котором он царствовал.

В четверо-евангелии Алавердского собора значится, что Иван Липарит был вызван в Константинополь царем Абхазским и Нобилиссимусом всего востока Багратам.

Из царей Абхазии в памятниках Нобилиссимусом титулуется только один Баграт IV, точно также как титул кесаря приписывается лишь Георгию II, отцу Давида Возобновителя. Еще с именем этого царя имеется надпись на одном из крестов Монаметского монастыря: „Христос прославь царя Абхазского и Нобилиссимуса Баграта.“

На одном из крестов, находящихся в Гелатском монастыре, имеется надпись: „Боже сотворивший вся, прославь вечнаго Тобою царя Абхазов, Картлов, Кахов и Ликов Давида—солнце христианства аминь“. Конечно эта надпись имеет в виду только Давида Возобновителя, жившего между 1089—1125 годами, что подтверждается палеографическим характером этого письма, а эпитет „Солнце христианства“ ни к одному из царей Абхазии под именем Давида не может быть присвоен, кроме Давида Возобновителя.

На выносном кресте, хранящемся в Хопском монастыре, имеется другая надпись, относящаяся к этому царю. Надпись

гласит: „Кресте честной, прославь непобедимого царя Абхазов, Ранов, Картолинов, Кахов и Армян, Давида и помилуй меня бедного“. По характеру и по содержанию тождественна надпись Гелатского Креста.

В грузинском великом Номоканоне, по спискам Тифлисского церковного музея, говорится так: „Постановление святого и богособранного собора, который собрался по повелению благоверного и богопомазанного царя нашего Давида, царя абхазов, картвелов, ранов и кахов, о ниже приведенных делах“.*)

В Хопском монастыре имеется золотой кнотик, в котором издревле хранится тельный крестик царицы Тамары, составляющий драгоценность древней Абхазии; на названном кнотике изнутри имеется надпись: „Древо честное, сила крестная твоим предводительством вспомоществуй и покровительствуй мне...“ Далее слова нарочно вытравлены. Эти и многие подобные случаи показывают, какой участи подвергались эти надписи после падения Абхазского царства.

Царь Александр, царствовавший между 1413—1442 годами, в своей грамоте об отмене казенных взысканий с крестьян Тифлисо-Манглисской церкви; титулуется себя царем Абхазии. Абхазский царь Георгий VIII, после которого произошло разделение царства, в своей грамоте титуловался так: „Мы Богом венчаный царь царей Георгий и любезный сын наш Александр происхождением от Иесея, Давида и Соломона, украшенные волею и с помощью Божиею царь Абхазцев, Картолин, Карабагцев, Кахетинцев и Армян, Шахин-Шахский и Шарван-Шахский, всего севера, от востока даже до запада государства и твердый самодержавец сию подтвердительную грамоту и свиток пожаловал вам всем...“.**)

В Моцамедской церкви св. Георгия находилась прекрасно переписанная на плотной бумаге церковно строчным алфавитом Постная Триодь. Она заключает в себе свиток или канон, составленный как значитсся в нем, святым отцом, собравшимся в Константинополь на поклонение святым иконам. В ней, в числе известных ревнителей православия, упоминаются многие из Абхазских царей, в том числе Баграт IV, Георгий II, которого называют кесарем, Давид II, Димитрий, Георгий III, царица Тамара титулуется так: „обладательница Абхазцев, Карталинцев и Кахетинцев всего востока и христиан.“

На нем-же имеется следующая надпись: „Христе прославь Кесаря Абхазского царя.“ Еще об этом царе говорится в Мцхетской Постной Триоди, переписанной в 1566 г.; имеется длинная приписка или канон, читаемый в так называемую неделю Православия с перечислением имен и в числе их Абхазский царь Георгий, названный кесарем. Он, смотря по месту царя, им занимаемому в записке должен быть сыном Баграта IV, Георгием II, царствовавшим 1072 г.

На кресте, Мартвильского монастыря, имеется надпись, относящаяся к XI в. Баграту IV, царствовавшему между 1027 и 1072 г.г. и имевшему двух детей: сына Георгия II, отца Давида Возобновителя и дочь Марту, или византийскую Марию, которая была замужем за византийским императором Михаилом VII (1071—

*) „Христианский Восток“ т. V, в. II изд. Академии Наук.

**) Акт. Собр. Кавк. Археогр. Ком.

1078) и которая представлена вместе со своим мужем как на эмалированной пластинке на Хахульской иконе, так и на самой монете Михаила VII.*)

На Хахульской иконе имеется надпись на греческом языке имя также императора Михаила и его жены Марии.

На Хахульской иконе имеется еще надпись: „Господи, помози рабу твоему магистру Кирику.“ Кондаков говорит, что Квирки есть известный царь Абхазский—Кирик или Куркен, которому император Роман, соправитель Константина Багрянородного, послал почетное звание магистра.

Одна из одиннадцати надписей на армянском языке на стенах Багаванского храма представляет интерес. Надпись гласит: „В царствование Алаша, с надеждой на Благодетеля Бога, я амирспасалар Захария прибыл из Хлата в это святое братство Багована и увидел эту чудесную церковь, открыл мою казну и купил Хошнутанк с его землями и пожертвовал в эту церковь в память...“ Надпись эта, относящаяся к последним годам жизни Захария и важная для истории абхазских походов на Хлат, интересна также и формой прозвища Георгия Лаши, с сохранением абхазского префикса—а, алаша—светлый.

В Джуматском храме есть крест высотой огромных размеров, тяжелый, на серебряном шесте, с большим шаром. Длина креста сажень, шар из чистого золота имеет вид церкви с куполом, длина шара 7 верш., в диаметре $1\frac{1}{2}$ арш., на четырех ветвях креста имеются выпуклые части с изображением святых и каждая ветвь кругом осыпана ценными небольшими камнями. На обороте креста надпись: „О ты на чем всемогущий Бог распялся и пролил кровь свою, всехвальное древо крестное, я обремененный грехом Джуматель, Митрополит Максим Шервашидзе, в уповании на Тебя оковал крест твой, да распявшийся на Тебе, Христос примет меня в царство Свое и даст мне участие со спасенными.“ Этот Абхазский митрополит Максим происходит из потомков Шервашидзе, был настоятелем Удабно и Еркети.**)

На Еркетском гуляше имеются приписки церковно-строчным алфавитом:—„Святой сей Гуляш окончен повелением великого Абхазского Католикоса Ефимия.“ В приписке случайно найденного Д. Бакрадзе. Манускрипта говорится, что он написан Абхазским архимандритом Антоном 1831 г. и дает много интересных сведений для истории Абхазии.

В Шемокмедском монастыре, на церкви Спаса, имеются на белом камне две надписи гласящие: „Христос Всемогущий, помилуй Католикоса Абхазского, господина Максима Аминь.“ Под этим именем Абхазских католикосов было двое: первый Максим жил в 1650 г. и второй последний католикос Абхазии, занимавший патриарший престол в исходе XVII в., умер в Киеве в 1795 г.

Д. Бакрадзе предполагал, что эти надписи относятся к первому из них, сделавшему пристройку к этому храму. В этом Шемокмедском монастырском храме сохранился архиерейский посох в 2 арш. и 3 верш. длины из золота и серебра, венчающийся шестигранным цилиндром с множеством ценных камней, из коих 3 крупных бирюзы и замечательной изящной работы мелко мозаичным распятием.

*) Дим. Бакрадзе. Археол. пут. по Груз. и Аджарии.

**) Кондаков—„Опись памятников древности Грузии“.

На Моковском четверо-евангелии, т. е. происходящем из монастыря Моквы, имеется надпись в конце оглавления Марка: „Моковская Богоматерь, помилуй предстоящего пред Вами архиепископа Моковского Абрама аминь.“ Моковский храм был знаменит в Абхазии, но мало известны археологические достояния Моквы. Только из двух икон Богоматери, принадлежащих ему, одна с припиской начала XVII в. Абхазского католика Ефимия, найдена покойным Броссе в Зугдидской церкви, а другая оказалась в Хонском монастыре. Она, судя по ее надписи, окована Моковским Андреем, о котором мы ничего не знаем. Не есть ли он тот самый епископ Андрей, который принимал в Мокве, в 1639—1640 г., русского посла Елчина.*) По крайней мере, характер письма в означенной надписи не древнее XVI—XVII в.

На Евангелии, хранящемся в Гелатском монастыре, на листе 273, имеется надпись: „Мы Абхазский Католикос, царевич Иосиф, выкупили святое сие евангелие и изведав, что принадлежало Ванской церкви на имя Архангела в местности Сачино, вновь ей пожертвовали его, вместе с двумя украшениями серебряными кивотами и серебряной цепочкой, при свидетельстве первосвященного Кутаисского митрополита Максима, 12 мая 1776 г.“

Гелат является богатейшим хранителем древностей во всем мире; единственной соперницей его является сокровищница церкви св. Марка в Венеции. Итак, при желании можно собрать сколько угодно подобных надписей и все подлинные документы, относящиеся до конца XV в., говорят об одном и том же.

Нумизматические данные.

Если даже предположить, что все письменные памятники Абхазии исчезли, остались только монеты, то расположив их в хронологическом порядке, мы получим ясную картину жизни страны; верность этой картины будет не меньше, чем летопись. Первыми монетами, в хронологическом порядке, являются „дарьки“, очень редкие и встречающиеся лишь в восточной части до Лихсих гор. В западной части по берегу Черного моря и заходящие далеко вглубь страны, часты находки, так называемой „колхидки“. На „колхидке“ изображается с одной стороны голова быка, а с другой—человека в уборе, напоминающем египетские уборы и это невольно заставляет припомнить рассказы Геродота о египетском происхождении колхов, находящие себе подтверждение в тине изображенной на монете головы в египетском уборе. Далее начинается ряд монет с надписями, которые несут имена царей с постепенно возвышающимися титулами: „Нобилиссимос“, „Севастос“ и „Кесарь“, ясно указывающими на постепенно увеличивающееся могущество этой новой Абхазской династии, которая начинает собирать разрозненные на части родственные племена Кавказа. Абхазские цари себя сначала называют только царями Абхазии, затем по порядку подчинения родственных племен к своему титулу прибавляют название последних.

*) Белорукова. Материалы для русской ист. Москва 1888 стр. 324 и 352.

Так например: „Царь Абхазиев и Нобилисимос“, „Царь Абхазов и Карталинов и Севастос“, затем: „Царь Абхазов, Карталинов и Кесар“ и наконец: „Царь Абхазов, Карталинов, Ранцес и Кахетинцев“. Эти титулы определенно указывают в каком порядке шло собиранье земли.

В конце XI и начале XII в. Абхазская монета меняется: серебро заменяется медью, а также и форма монеты. Таковы монеты Давида возобновителя с надписью: „Давид Кесарь Абхазов и Карталинцев“. Абхазский царь Георгий III, царствовавший между 1154—1184 г.г., в начале своего царствования признает верховную власть халифа Эльмуктафи, имя которого фигурирует на его монете, а когда освободился от этой зависимости—Георгий в знак этого выпускает монету только со своим именем и эта монета замечательна, во-первых, правильной формой, одинаково и прекрасно отчеканена, что указывает на понимание Абхазского Правительства того времени важности иметь однородные монетные знаки; во-вторых, на этих монетах впервые появляется дата, выраженная годами из цикла 532, начало которого идет с 780 г. по Р. Х. именно с начала процветания Абхазского царства. Также на этой монете впервые встречается вполне выработанный форма алфавита „мехендрули“. В царствование царицы Тамары могущество Абхазии подчеркивается монетами еще резче, с ее пышными титулами: „Царица царей и цариц, слава мира и религии“. Ее первый кратковременный брак с Георгием, русским великим князем, указывается монетами с именем Георгия и Тамары. После развода с Георгием и свадьбой с Давидом Сосланом вновь выпускается монета 1200 г. с соединенными именами Тамары и Давида. Соцарствование с ее сыном Георгием Лаша тоже отмечаются монетой 1210 г. (Эпитет „Лаша“ абхазское слово, в переводе—светлый). Далее, до распада Абхазского царства, на монетах ясно изображается вся историческая жизнь.

Распадение Абхазского царства в XV в. повело к прекращению чеканки национальной монеты. С начала XVII в. шахи дают в Тифлисе свою монету, не трудясь упомянуть в ней даже имен „наследных губернаторов“, какими в глазах шахов были цари Кахетии, Карталинии и пр. Сильное национальное чувство, постоянно питаясь снизу, заставило проявить большую самостоятельность. Уже царь Свимион I, 1712 г., выставляет, после двух вековых перерывов, свое имя национальными буквами „С. М.“, тоже делает Бакар. Они решаются на это лишь на медной монете, так как за серебряной ревниво смотрят персы и она дается по персидскому образцу, показывая, что уже 200 слишком лет вся культура приняла персидский тип. В 20-х годах наступает переворот: турки овладевают всей восточной частью бывшего Абхазского царства и это даст нам знать монета турецкого образца, битая султаном Ахмедом III и Махмедом II; шах Надир в 1734 г. отнимает у турок эту часть и снова вводит прежние порядки; монета медная копирует монету, битую до турок, но без имени царя, вопреки установившему обычаю, так как его в тот год, 1734—1735 г., не было. Только в 1744 шах назначил царем Карталинии Темураза. Несколько лет спустя на монете 1751 г. появляются рядом имена соцарствующих Темураза Праклия, потом, после смерти Темураза, одного последнего. Вся серебряная монета этого времени вплоть до Русской эпохи, бьется по персидскому образцу, но без имени современных шахов, что

показывает независимость политическую и зависимость культурную от Персии, язык который является все время языком высших классов. Медная монета Ираклия II более характерна: на ней вновь возрождается шрифт „хуцеры“ и отражается влияние России, сначала в виде употребления на монете тех гербов, которые ставились на книгах, вышедших из московской типографии в первой половине XVIII в., а затем символ подчинения России—двуглавый орел.

В „Географии“, приписываемой М. Хоренскому, о макутах речь идет два раза: они помещаются на северо-западе от Каспийского моря. От тех же согласных, воспринятых, как трехсложный

В „Географии“, приписываемой М. Хоренскому, о макутах речь идет два раза: они помещаются на северо-западе от Каспийского моря. От тех же согласных, воспринятых, как трехсложный

Сведения из географической номенклатуры.

Теперь посмотрим, как отразилось влияние абхазов в географической номенклатуре. И здесь не обойдемся без авторитетных указаний Николая Яковлевича Марра, который говорит:

„Черкесы и у абхазов были известны некогда под названием „зу-хи“, от которого происходит обычное и теперь абхазское название Черкесии. Абхазы выдвинув огласовку „а“ на первое место, чтобы получить излюбленную группу „пс“, разновидность основы „пас-апс“ сохранили в двух формах: 1) в форме простого мн. числа на „уа-апс-уа“—абхазы, 2) в форме простого мн. числа в значении страны „а-пс-ны“—Абхазия. Но основа „бас“—„пас“ в чистом виде прослеживается значительно дальше на восток и юг от Абхазии, так: 1) грузинское название горы „пасис мта“ гора „фаса, т. е. народа, в пределах которого она некогда находилась, ныне окружена рачинским населением картвского племени, на верховьях Риона, в коих намечаются и переживания сванов, 2) также основа „пас“, но с тубал-кайинским „ш“ в м. „с“ сохранена в названии речки „паш-гуа-ш“ в Свании, как на месте сами Сваны называют Мушурскую речку; в термине „паш-гуа-ш“ имеем р. падеж на—„ш“ от основы „паш-гуа“, что в свою очередь представляет мн. число с сугубым показателем множественности „гуа“, явною диалектической разновидностью абхазского „куа“, и в этом факте одно из драгоценных свидетельств того, что именно абхазы, были оседлы в Свании; 3) еще восточнее, на восток от Дигора, большое ущелье на рубеже Свании, Рачи и Осетии сохранило в своем названии Вавсиани имя того племени „бас“, о существовании которого некогда в этих пределах свидетельствует и армянская географическая номенклатура, удержавшая тот же термин, как увидим, в более древней южно-яфетической разновидности, при том с окончанием „к“ в качестве показателя множественности, 4) греческое название реки Риона „фазис“ или „пазис“ сохранило свидетельство, что когда-то эта река протекала среди не имерского, а абхазского племени, 5) та же основа с придвинутою к началу огласовкою в „баз“ ведет южнее, она сохранилась в Гурии в назван. села Двабзу представляет, как было уже указано, иверский префикс „места абазов“, 6) то же племя оставило следы своего пребывания в северо-западной части Армении на верховьях Аракса. Так называлась одна из 20 областей Арарата, в Географии Хоренского поставленная на первом месте—Бас-е-ан.

На юге-же, в пределах центральной части Армении и прилегающих к ней с севера стран, тот-же народ выходил за область Басеана, судя по появлению того-же термина в более древнем фонетическом облике.

В связи с этим первоначальная форма термина „мас“, с суффиксом множественности „мас-к“, что и имеем в трехразновидностях: в тубал-каинской „мос-о-к“ сохранена в двух названиях одной и той же народности и доарийской армянской „мас-е-к“, так называли древние армяне гору Арарат; гора получила такое название по всей видимости потому, что страна, где вздымается она, некогда была населена мосохами, прародителями абхазов.

В „Географии“, приписываемой М. Хоренскому, о маскутах речь идет два раза: они помещаются на северо-западе от Каспийского моря. От тех же согласных, воспринятых, как трехсогласный корень, с помощью суффикса, в эмфатической форме, образовано название главного города Грузии Мухета, очевидно насаждения абазхов, собственно их прародителей мосохов. С картским префиксом, образующим названия места, от того-же корня, имеем Самцхе, название страны, примыкавшей на западе к Тао и Кларджии. „Кота“—название резиденции царя в стране колхов. Давно делалось отождествление его с Кутансом на Фазисе-Рионе, на-личное грузинское название „кут-а-ис-и“ представляет огрузинивший вид не только окончанием „ис“, но и суффиксом „ут“, т. к. древне грузинский вид названия „Кут-а-ис-и“ по грузински ничего не означает, а по абхазски это именно и есть форма названия местности. Более того, „Кутанс“ по существу и не название, а нарицательное имя, означавшее на абхазском языке село.

Сюда-же относится название несравненно более важного по своему историческому значению пункта Абхазии—Пицунды, в различных его видах, воспринятого греками.

Значительно севернее пункта, где находится Пицунда, до сего дня сохранился приморский поселок, ныне хорошо известная лечебница и дачная местность Сочи, Саши, еще древней Шаши. Здесь же имеется с абхазским названием хорошо известный лечебный источник Мацеста; далее следуют: Хоста, Шааш (Адлер), местечко—Ахштыр, хребет—Ац, р.р. Агура, Бегрипта, Туапсе и так до Анапы и самого Темрюка еще сохранились абх. названия и христианские памятники абхазского искусства.

„Абхазское название гурийской реки Сунсы доказывает, что абхазы имели народное распространение до Чороха.“ В древнее время эта река называлась Абсара, разновидностью национального названия абхазов—абсаков, именно Ансуа. Плиний в 77 г. нашей эры писал: „Река Абсар с соименной крепостью у ее впадения в 140 тысячах стадий от Трапезунда.“ Здесь же в Гурии имеется село с абхазским названием—Пицна-Гвара.

Относительно происхождения Адчары или Аджары, название известного края в Батумской области, с паразитизмом абхазского префикса „а“ имеем по всей видимости в форме абхазского мн. числа „ра“ в „ачара“.*)

В Борчалинском уезде имеются развалины старинной церкви под названием „Адзиквос“, название это необъяснимо, если не

*) Марр—„Из лингвистической поездки в Абхазию“, История термина „Абхаз“, „К дате эмиграции Мосхов“, „Термины из Абхазо-русских этнических связей „лошадь“ и „тризна“.

прибегнуть к абхазскому языку: „адзы“—вода, „анква“—темная: ручеек в Очемчпрах известен под тем же названием „Адзиква“. В Батумской области находились знаменитые в истории монастыри: „Анчи“, „Анцва“—Бог—по абхазски, отсюда и „Анхетская“ церковь в Тифлисе и „Хандзта“ в переводе—ханская вода. „Ацкур“—бычачий ручеек.

В Ланчхутах известен ручеек „Оквора“, по абхазски „оквора“—ручей. „Хона“—в Лазистане, „Хоба“—в Мингрели, „Хоп“—в Ксанском ущельи в б. Душетском уезде. „Хоп“—Гуд. уезда, от абхазского слова „аху“—гора.*) И эти факты подтверждают, что абхазы имели народное распространение в этих местах.

Лингвистические данные.

Если принять во внимание, что каждый язык есть живой, организованный индивидуум, который развивается, мукает, дряхлеет и, наконец, умирает и, что в разные эпохи жизни язык не похож на себя, как старец не похож на младенца, что он подчиняется всем превратностям тревожного моря житейского, чуждается родных, рождается с чужими, брат не узнает брата, а инородцы братаются между собой,—то станет ясно, на сколько сложное дело изучение языка.

По лингвистическим исследованиям Абхазии нет более авторитетного, в настоящее время, знатока вопроса, как Н. Я. Марр, который говорит: „Абхазы—Яфетиды с незапамятных времен распространялись в пределах Ассирии-Вавилонии и Месопотамии, где яфетические народы создали древнейшие в мире культуры, основоположники той именной цивилизации, которую дальнейшие судьбы переработали в нашу европейскую цивилизацию. Передвижение абхазов, в числе прочих, ближайших к ним народов и племен, не только Адыгейских, но Нахча-Чеченских, Аварских и примыкающих к ним Дагестанских, совершилось в системе общего великого передвижения яфетических народов, начавшегося за много веков до Р. Х., с великого распада Яфетическо-Семитического культурного мира, когда стали появляться в Передней Азии Арий-Европейцы“ и потому Николай Яковлевич, в одном из своих многочисленных трудов говорит: „Однако и в одних абхазах, нас сейчас интересующих, мы имеем основание, как в драгоценном обломке целого, до нас не дошедшего, видеть часть древнего, передне-Азиатского культурного мира и, следовательно, редкий живой источник. И потому, вполне естественно, что абхазский язык начинает оказывать помощь в разборе до сих пор не понимавшихся клинописных памятников не только этого мира, но и Армении, Мидии и Эламы.“

Следующее обстоятельство заставило обратить внимание ученого мира на абхазский язык, как язык древней культуры. В 1827 г. Французским правительством был командирован в Ван ученый Эд. Шульц для изучения клинообразных надписей, име-

*) Н. Джапашия.

ющихся на крепостных стенах этого города. Дешифровка надписей выяснила, что язык их был не ассирийский, а местный. Это открытие местного доисторического языка вызвало целую сенсацию в научном мире, который не предполагал такой находки.*)

Таким образом, был открыт один из доисторических языков, быть может самый интересный и самый распространенный в древнем Закавказьи и смежных с ним областях. Оставалось найти собственника этого языка, ту рассу, которая говорила на нем. Она стала известна под именем Урартийцев, по имени той страны (Урарту), которая вела войны с Ассирией и отмечала деяния своих царей в этих клинообразных надписях. Ванские надписи оказались составленными из смешанного шрифта: ассирийского и местного; ассирийский шрифт до некоторой степени был разобран, а местный разбирался по догадкам и разным соображениям. Необходимо было выследить этот язык вне клинообразных надписей, в древних географических названиях, а также найти элемент этого языка в горских языках Кавказа. Одни ученые искали этот элемент среди лезгинских племен, другие среди чеченских, но безрезультатно. Наконец, в 1913 г., академику Марру удалось найти этот элемент именно в абхазском языке.

Таким образом, еще раз устанавливается связь Абхазов с древнейшими обитателями Кавказа—с урартами или наирами, что подкрепляет абхазская и общекавказская легенда о герое Нарта.

С этого момента рушилось ложное мнение о том, якобы абхазский язык, в том виде, в каком он дошел до нас, есть первобытный язык. Н. Я. Марр говорит: *„Что абхазский язык лингвистический стоит на одной из самых высоких ступеней человеческой речи и, среди родственных с ним языков, занимает ту ступень, какую английский занимает среди европейских.“*

В отношении грузинского языка выяснилось чрезвычайно слабое влияние его на абхазский; наоборот, влияние абхазского языка на грузинский было велико и иногда весьма поучительно имеет уже не только словарное, но реальное культурно-историческое значение: абхазы передавали свои термины соседям.

И так, в результате научных изысканий, Н. Я. Марр сказал: *„Для меня стало ясно, что все направление и грузиноведения, армяноведения и, в частности, мое—было в корне неправильно. Мы раньше как будто старались, наоборот замести след значения абхазского народа.“* **)

Вот этими немногими словами один из серьезнейших ученых производит коренной переворот в установившихся неправильных понятиях не только об истории Абхазии и Грузии, но и всего Кавказа.

*) К. М. Т. „О доисторическом языке закавказья.“

**) Марр—„Кавказоведение и абхазский язык.“

**О родстве
абхазского языка
с грузинским.**

Несмотря на кажущееся, с первого взгляда, несходство абхазского языка с теперешним грузинским,—сходство громадное, как по структуре, так и по корню. По этому вопросу проф. Джавахишвили говорит, что „грузинский язык разделяется на две главные группы: к первой относится картско-мингрело-свано-чанский, ко второй—абхазский и другие родственные грузинскому языку, причем сванский и абхазский, под сильным влиянием Османов и др. соседей, сильно отклонились от грузинского“ *).

Не вдаваясь в рассмотрение вопроса о „сильном“ влиянии Османов на абхазский язык, нельзя не признать, что абхазский язык, благодаря объективным условиям, отклонился от своего первоначального вида, но это отклонение не так уже сильно, чтобы нельзя было установить несомненное родство этих языков. Причем абхазский язык, будучи в то же время родственным с черкесским языком, является объединяющим звеном для языков картских и адыгейских групп.

Не говоря о тождественности структуры абхазского и грузинского языков, родство их видно уже из тождества их корней, которые в большинстве слов совершенно одинаковы; конечно, не всегда легко удастся заметить это сходство, но его почти всегда можно найти, если не в самом теперешнем грузинском языке, то в различных его говорах: имеретинском, мингрельском, сванском и др. Возьмем, например, слово „черепица“: по абхазски оно будет: „აკუც“, а по грузински „краминти“; как будто ничего общего, но на самом деле здесь сохранился корень „к“, а в мингрельском это сходство еще нагляднее, а именно „кици“; дальше, в древне-грузинском языке „кеци“ означает „глина“, а в современном гурийском и абхазском языке этим же словом обозначают каменную или глиняную сковороду. Другой пример, название оружия: по абхазски „абцар“, по грузински иараџи“, опять как-будто ничего общего нет, но здесь сохранился корень „ар“, а в сванском это слово целиком сохранилось в том-же значении „бцари“. Корень „ар“ по абхазски означает „войско“, и этот корень мы видим в грузинском слове „джари“, которое также значит „войско“. Таких примеров много, но до сих пор над разработкой этого вопроса никто из филологов серьезно не занялся, а беглые замечания не разрешат в корне столь сложного вопроса, от разрешения которого зависит выяснение многих, до сих пор неясных мест в Абхазо-Грузинской истории.

Ввиду сложности и серьезности этого вопроса, слово для разрешения этой проблемы может принадлежать лишь академику И. Я. Марр, авторитетное исследование которого и даст исчерпывающий ответ.

*) И. Джавахишвили „ქართველ ერის ისტორია“, т. I, стр. 3.

П Р И М Е Р Ы:

Русский	Абхазский	Грузинский
долг	ауал	вали
грузин	акуртуа	қартвели
душа	ацсѳ	сули
сердце	агѳ	гули
большой	аду	диди
мальчик	ачѳѳн	бичи
огонь	амца	цецхли
место, земля	адгил	адгили
вкус	агам	гемо
поцелуй	агзѳра	коцна
причина	амзѳз	мизези
портрет	асаха	сахе
лететь	ацрра	црена
город	ақалақ	қалақи
черепаха	ақуа	ку
гроб	ақѳба	кубо
гость	асас	стумари, састумро
шутить	ахмарра	хумроба
корзина	акалат	калати
серп	амагана	намгали
бурак	ачархал	чархали
укроп	акама	кама
котел	ақаб	қваби
дубина	акат	кети
ограда	агалван	галавани
труба	абѳк	буки
лев	алам	ломи
буйвол	акамбаш	камбечи
колесо	абарбал	борбали
арба	ауарлѳн	уреми
плата	акѳра	қира

П Р И М Е Р Ы:

Русский	Абхазский	Трузинский
ядро	ауҭ	угели
цепь	адаче	цачеви
узда	аҭра	аҭвири
яд	ашхам	шхами
бешмет	акаба	каба
икона	анҭха	хати
карман	ацаба	цибе
страх	ашари	шиши
чугун	атҭи	туци
пистолет	атапанча	дамбача
крест	ацар	цвари
орех	акакан	какали
доктор	аҭақим	еқими
тарелка	ачанах	чавахи
дрань	ацаур	цавари
вата	абамба	бамбо
часы	асаат	саати
ширина	аган	гани
зеркало	асарка	сарке
пупок	ачапан	чипи, чапани
орел	ашаурдҭн	шавардени
ворон	аҭраан	қорани
сирота	айба	балп
бабочка	ацарцалҭк	пецела
грудь материн.	аҭҭз	зузу
коршун	ауарба	орби
войско	ар	цари

Письменность. Говоря о языке, нельзя не упомянуть о письменности, имеющей столь культурное значение в истории развития человека. Как известно, письма, подобно языкам, не выдумывались и не изобретались отдельными личностями, как это ранее принято было думать, а вырабатывались и развивались одно из другого, подчиняясь тем же законам эволюции, каким подчинено происхождение миров, животных, растений и вообще всего того, что когда либо возникало и возникает в природе.

Начиная с передачи мыслей с помощью предметов, узлов, раковин, надразов палочек, табуировки, с помощью живописи и идиографизма, иероглифических знаков и клинописи, приблизительно к XV в. до Р. Х. появляется алфавит, т. е. к тому периоду общего развития письма, когда у египтян существовала звуковая система иероглифов, а у Ассирио-Вавилонян сллабическая система клинописи. Рассматривая письма эти, на указанной ступени их исторического развития, нетрудно убедиться, что как египтяне, так отчасти и вавилоняне, уже были тогда близки к изобретению алфавита, но, однако, ни те, ни другие, не могли привести своей графической системы к алфавитной системе.

Многовековая привычка, высокая санкция религии, целям которой почти исключительно служила тогда письменность, все это мощными и неразрывными цепями приковывало эти народы к их письменной системе. Самый важный шаг по пути усовершенствования и развития письма суждено было сделать какому-то другому народу.

По пути своего движения к Востоку — алфавитная система находила себе приют не только на почве семитических государств, но и далеко за их пределами. Прежде всего ей удалось водвориться на Иранском плоскогорьи, среди народов, употреблявших клинописную систему. Здесь, после некоторых изменений, превратилась в так называемый Гузварешский или Пехлевийский алфавит, который вытеснил персидскую клинопись и господствовал в Персии очень долгое время. От Пехлевийского алфавита получило свое начало т. н. Парсийское или Зендское письмо; Зендское письмо существовало недолго, но оно дало начало двум алфавитам: армянскому и другому, ныне известному, как грузинский; этот последний разделяется на церковный, с V в. Р. Х., и гражданский, введенный значительно позже, приблизительно с XIV в. *).

Как мы уже видели, Абхазское государство с первых веков христианства выступает сильным, организованным, — сейчас же принимает христианство и уже в III в. имеет своих епископов, которые представляют на Вселенских Соборах. Из этого видно, что государство это организовалось гораздо раньше и настолько подготовлено в культурном отношении, что с первых же веков принимает христианство.

Нужно полагать, что это государство имело не только свой язык, но и свою письменность, без чего христианские

*) Я. Б. Шницер — История письменности.

проповедники не могли бы обойтись, не говоря уже о других правительственных необходимостях в письменности.

Небезинтересно здесь будет вспомнить историю развития грузинской письменности, которая, как передают, возникла с V в. по Р. Х. и до IX в. являлась подготовительным периодом в своем развитии, а с X по XII в. в. пережила классический период, т. е. достигла высшего своего развития, с первой же четверти XIII в. по первую четверть XVII в. находилась в упадке.

Теперь следует сопоставить и проанализировать вышеуказанные исторические даты, которые помогут нам правильнее подойти к разрешению этой проблемы.

V в., как известно, является именно организационным периодом к выступлениям Абхазского государства на Востоке и как раз в это время возникает алфавит и письменность, которая могла развиваться только в господствующей нации. Это подтверждается еще и последующими фактами ее развития; так напр., период ее наивысшего развития, XII в., совпадает как раз с наибольшим могуществом Абхазского государства. В то же время не видно какого либо другого государства на Кавказе, более или менее обеспеченного, где бы могла процветать письменность и литература и, наоборот, с падением Абхазского государства и появлением мысли о создании Грузинского государства этот алфавит теряет свое практическое значение и для вновь возникающего грузинского государства создается новый алфавит, т. н. гражданский.

Другим обстоятельством, подкрепляющим эту мысль, является то, что в XVII в. появилась необходимость вести пропаганду о том, что современный грузинский язык может быть литературным, что на нем можно писать, говорить и т. д. Этот факт указывает на то, что до этого был какой-то другой литературный язык, который впоследствии был заменен современным грузинским языком. Научкой установлено, что современный грузинский язык не похож на древне-грузинский, а до существования этого последнего был какой-то другой язык, о котором пока нет точных сведений, но существование коего несомненно. Также наукой установлено, что т. н. древне грузинский алфавит создан не для современного грузинского языка, а для какого-то другого гортанного языка.

Все это с несомненностью говорит о том, что ныне известный древне-грузинский алфавит являлся алфавитом древнего Абхазского государства до его распада; и после этого он все же остался у церкви и дипломатии до самого 1863 г., т. е. до момента введения непосредственного русского управления в Абхазии и замены этого алфавита русским.

Далее, русское монархическое правительство, желая раз'единить Абхазов от родственных им народов, решило для этой цели прибегнуть к помощи народного языка. Об этом ген. Услар писал, что удобнее всего действовать народным языком. Абхазы инстинктивно чувствовали эту под-

кладку и относились к этому делу враждебно и потому дальше Усларовского алфавита и Бартоломеевского букваря эта „письменность“ не двигалась, а вместе с тем задерживалось, конечно, и культурное развитие. Кроме того, сам алфавит не удовлетворял основным требованиям абхазского языка; русский алфавит, положенный в основу Усларовского, далеко не выражал все звуки абхазского языка, так что одной буквой, выражающей в русском алфавите один определенный звук, в Усларовском алфавите выражается три—четыре звука; так напр., буква „к“ в соответствующих абхазских названиях слов: „ручка“, „известка“, „седла“, которые нужно произносить разное, т. к. звуки разные, Усларовский алфавит передает одной и той же буквой „к“; другой пример: буква „х“ выражает четыре звука, напр. в абхазских словах: „пуля“, „золото“, „голова“, „доля“. Таких многозвучных букв в Усларовском алфавите много, почему приходится писать разные звуки одним и тем же знаком, за отсутствием соответствующего, а читать по смыслу.

Не может быть речи, чтобы современная абхазская письменность могла развиваться, если Усларовский алфавит не будет заменен более соответствующим. Существующее предположение заменить Усларовский алфавит другим, в основу которого будет положен латинский, едва ли облегчит положение, т. к. латинский алфавит еще менее русского по числу знаков и имеет всего лишь 26 основных знаков, тогда как для современного абхазского языка нужно не менее 70 знаков, иначе говоря, придется где-то искать еще 46 знаков. Не проще ли будет вернуться к своему первоначальному и одному из лучших в мире, как это признано наукой, алфавиту, который выражает каждый звук, благодаря чему отсутствует камень преткновения, орфография, столь сложная во всех европейских языках. Не смотря на более, чем 400-летнее расхождение абхазского языка с общим древним литературным языком, древний абхазский алфавит, ныне известный как грузинский, является наиболее выражающим основные звуки современного абхазского языка; больше того, он в абхазском языке свойство букв обнаруживает гораздо рельефнее, чем в новом грузинском, что замечено еще известным европейским филологом Г. Розен.

В течение столь продолжительного времени, грузинский язык, будучи заключен в рамки письменности, сокращался, а современный абхазский язык, свободный от этих рамок, развивался и создавал новые оттенки звуков и потому мы видим, в данном алфавите, лишние буквы для современного грузинского языка и—с другой стороны—новые оттенки звуков в абхазском, а т. к. в этом алфавите имеются все знаки для основных звуков, то с помощью двух надстрочных знаков, не прибавляя новых букв, можно изобразить полностью все звуки абхазского языка. И потому нужно полагать, что гораздо целесообразнее будет прямо перейти к своему первоначальному алфавиту, которым написаны ценнейшие материалы исторической жизни Абхазии.

Современ.		Алфавит б. Гыбского комитета*)	Латынь	Примеры
Грузин- ский	Абхаз- ский			
ა	а	а	a	ауаз—проповедь
ბ	б	б	b	абара—видение, видеть
ვ	в	в	v	авара—ребро
გ	г	г	g	агара—взятие, братъ
	გ̃	გ̃		აგამ—вкус
	—	გ̃		აგ̃—сердце
გ	გ̃	გ̃		აგ̃—враг, აგ̃ба—корабль
	გ̃	გ̃		ეგ̃ра—превосходство
	—	გ̃		აგ̃—доска
დ	д	д	d	адардү—верстено
	დ̃	დ̃		ად̃—поле
ე	е	е	e	аеш—белка
ვ	з	ზ		азү—вода
	—	ზ̃		აგ̃რა—целовать
	ზ̃	ზ̃		აგ̃—один (разумн. предм.)
ჟ	ц	ც		ацүр—сталь, ацүш—чеснок
	ჟ̃	ც̃		აц̃ра—жарить, აც̃—дуб
ჩ	ж	ჯ	j	ажра—копание, канава, канал
	ჟ̃	ჯ̃		აჯа—заяц, აჯү—мясо
	ჟ̃	ჯ̃		აჯ̃—старый, აჯ̃ლა—семя, порода
	ჟ̃	ჯ̃		აჯ̃—корова
ზ	з	ზ	z	азна—полный
	—	ზ̃		აза—отстоявшийся, чистый
ა	h	h	h	аh—князь, алүмha—ухо
	h̃	h̃		აh̃—голубь
ი	i	i	i	аiүа—часть
კ	к	კ	k	акасү—платок
	კ̃	კ̃		акаца—курдюк
	—	კ̃		აკ̃ац—мясо
ქ	к̃	კ̃		акүта—селение
	კ̃	კ̃		ად̃кан—лавка
	—	კ̃		აკ̃нү—лен
ყ	q	q	q	ақацара—делание, делать
	q̃	q̃		აқақа—плоский, აq̃мсар—сор
	—	q̃		აқа—Сухум
ლ	л	ლ	l	ал—ольха
მ	м	მ	m	амаг̃—сапог
ნ	н	ნ	n	анапү—рука

*) Этот алфавит мною составлен в 1906 г. в Юрьеве с помощью проф. Мазнига, работавшего много лет над исследованием абхазского языка по пору-

современ.		Алфавит б. Бзыбского комитета *)	Латынь	П р и м е р ы.
Грузин- ский	Абхаз- ский			
ო	о	О	o	აოთუ—человек
	ფ	Ө		აөу—вино
პ	п	П	p	აპაп—священник
ჟ	й	Й		აჟა—сын, რჟაჟა—внук
რ	р	Р	r	ამრა—солнце
ს	с	С	s	ასას—гость
	—	ც		ასუ—снег
თ	т	Т	t	ათუ—филин, აღუტ—грязь
	ტ	ṭ		აṭუ—раб, ამṭ—чудо
ფ	ѣ	ṭ		აṭара—давать
	ჭ	ṭ		აṭა—1) сено, 2) липа,
უ	у	У	u	უара—ты
	ფ	Ф	f	აფара—есть
ხ	х	Х	x	ახუ—пуля, ამху—нива
	ჯ	ḡ		აḡу—золото, აḡჟ—имя
	—	ḡ		აḡ—цена, равеный
ჭ	—	ჯ		აჯუ—часть, доля, шерсть;
	—	ჯ		აჯუ—голова, აჯ—гуца
ც	ц	Ц	c	ამца—огонь, აც—зубчик
	ც	ṡ		აṡ—дно
	—	ṡ		აṡა—яблоко
წ	ц	Ц		აца—черешня
	ჭ	ṡ		აṡარ—острый
	—	ṡ		აṡა—бог, амаṡа—палец
ჩ	ч	Ч		ача—хлеб
	ჭ	ḡ		აḡу—лошадь
ჯ	џ	џ		აџუ—мальчик
	ე	џ		ამџу—дрова
შ	ш	Ш		аша—веревка
	—	შ		აშა—кровь
	შ	ṡ		ამṡ—медведь
	—	შ	w	აṡ—бук
	ყ	ყ	y	აყუ—лето
35	46	71	26	

чению Венской Академии Наук. В этом алфавите мне удалось выявить все звуки абхазского языка. На этом алфавите в 1913 г., по поручению Академии Наук, было записано, организованным мною Бзыбским комитетом, около 100 абхазских народных сказок. В 1916 г. в Петрограде я вновь пересмотрел этот алфавит с указаниями П. Л. Марра и дал более последовательную систему и начертание. В 1917 г., по моей просьбе, была отлита, в словолитне Академии Наук, одна касса этого алфавита. Впервые этот алфавит был опубликован мною в 1918 г. в газете „Воля Вольных“. До последнего времени алфавит находился в Гудаутской типографии, а в настоящее время он перевезен в гостиницу гор. Сухума.

Где искать материалы абхазской истории.

К сведениям древней и иностранной литературы приходится относиться с особенной осторожностью по многим причинам. Прежде всего, низкий уровень научной мысли того времени и отсутствие каких либо руководящих научных приемов, слабое развитие письменности, путей сообщения и разобщенность народов. Историки, являясь представителями той или другой нации, часто враждовавшей с Абхазией, не могли быть беспристрастными в своих суждениях о ней. Если сейчас, когда наука достигла высокого развития, когда существуют всевозможные научные методы и приемы, нельзя строить свою историю на основании сведений, даваемых враждебно настроенными людьми, то тем более тогда, когда отсутствовали всякие научные дисциплины.

Историю Абхазии можно делить на пять эпох: 1) от XI в. до Р. Х.; 2) от I до XV в. по Р. Х.; 3) период княжеств—от XV в. до 1863 г.; 4) подчинения России до революции 1917 г. и 5) современная нам—революционная эпоха.

Первая эпоха, несмотря на то, что она теряется в глубине веков, имеет по себе много интересных сведений по ассирийским клинописным надписям и по другим древнейшим памятникам. Об этой эпохе имеются сведения у проф. Джавахишвили—„ქართვლ უბოლ სტორია“, г. Тифлис, 1913 г., Городцев—„Бытовая археология“ и „Первобытная археология“, М., 1908 и 1910 г.

О второй эпохе имеется богатейший материал в древней абхазской, ныне грузинской, литературе и во всех видах древних памятников, относящихся к периоду до распада Абхазского государства.

Как мы уже говорили, после распада Абхазского государства возникло новое Грузинское царство и уже новые грузинские историки, в XVII в., желая составить грузинскую историю из письменных и других памятников Абхазского государства, являвшихся одновременно достоянием и для новой грузинской истории, придали этим памятникам одностороннее освещение, иногда стараясь „как бы замести след Абхазского народа в этой истории“. Такое одностороннее отношение к историческим фактам не могло не отразиться плохо и на самой создаваемой грузинской истории, внося в нее неясность и путаницу, что в особенности затрудняло правильное понимание европейскими учеными действительной сущности как Абхазской, так и Грузинской истории и вызвало целую полемику по этому вопросу. По этому поводу профессор Петроградского университета Семковский писал, что „грузины выдают себя за народ очень древний и представляют нам беспримерный ряд деяний и подвигов царей. Мы имеем пред собой список грузинских царей от Фарнаоза до Георгия XIII—от 268 г. до Р. Х. и по Р. Х. до 1800 г.—список, в котором находится ни более, ни менее как 98 последовательных царствований. Одна только китайская история в состоянии представить нечто подобное“.

Конечно, такой неясности и путаницы не было-бы, если-бы вещи назывались своими именами и между определенными историческими эпохами проводилась соответствующая грань. Наприм., от XI в. до Р. Х. существовали прародители Абхазов—Мосхи; описывая этот период, не следует крестить их именами Абхазов

или иными, а просто следует называть их своим именем—Мосхами. То же самое с Абхазской эпохой (VIII—XV в.в.) по отношению к позже возникшему Грузинскому государству. Не следовало исторический материал этой эпохи переделывать на новый—грузинский лад, но это вовсе не значило бы, что история древней Абхазии не является в то же время началом истории новой Грузии, также как история мосхов является началом истории Абхазов. Тогда не было бы такого неестественно долгого периода существования одного государства, который вызывает справедливые сомнения и бросает тень на всю историю. Ведь, как существует определенный период жизни отдельного человека, так и каждое государство имеет предельный срок своего существования в данной группировке.

Если бегло перелистать страницы Грузинской истории, то увидим как произошел этот процесс. Для этого возьмем труды самого авторитетного историка Грузии проф. П. А. Джавахишвили ректора Тифлисского университета. На 66 стр. своей книги „ქართველ ერის ისტორია“, том I, он говорит: „на Кавказ пришли первыми те из грузинских племен, которые в истории были хорошо известны и жили севернее других; в таком случае первыми вошли Абхазы, Абшилы, Сваны и др.; затем, Колхи и Касхи и жили они гораздо южнее теперешнего, а последующее движение их отодвинуло на север; благодаря этому, конечно, следы пребывания Абхазов, Абшилов и др. сохранились в географических названиях Грузии и тот, кто займется изучением этого материала, безусловно найдет для себя благодатную почву“. Далее профессор перечисляет места в Грузии с абхазскими названиями, о которых мы уже говорили в главе о географической номенклатуре.

В начале своей книги, на 3-й стр., проф. Джавахишвили говорит, что „грузинский язык разделяется на две главные группы; к первой относится картско-мингрело-свано-чанский, ко второй группе абхазский и др. родственные грузинскому языку, причем сванский и абхазский, под сильным влиянием Османов и др. соседей, сильно отклонились от грузинского языка“. На 21-й стр., где проф. Джавахишвили упоминает о предках Грузин, говорится так: „первыми в ассирийских источниках упоминаются Месхи, или, как их называют, Ассирийцы, „Мушки“ или „Муски“; они упомянуты в своей замечательной надписи, в 1100 г. до Р. Х., Тиглатом Палешаром I, который говорит: „во время моего царствования своим могуществом были прославлены 20.000 Мусков и их пять царей, которых на поле сражения еще никто не побеждал“. Далее проф. Джавахишвили заявляет, что проф. Марр прав, когда древние названия Абхазов—„Абас-хи“—производит от слова „Мас-хи“, а буква „а“ является обычным абхазским добавлением.

На 300-й стр. проф. Джавахишвили приводит следующие слова древнего источника „მეტიზე ქართლისა“ об Абхазском царе Леоне II: „выступил, укрепился у берегов Арагвы, разорил Мухнари, Херки и Базалеты“.

На 310 и на 311 стр. он указывает, что границы Абхазии, при этом же царе, простирались до Эгресии и Лихских (Сурамских) гор и в состав ее входили: Одиши, Абшилы, Рача, Такуэри, Маргуэти, Гуэти, Самокалако и Гурия.

Установив единство Абхазов и Грузин, он начинает историю Грузии с известных уже нам абхазских царей, именно с Леона II, царствовавшего в 746—791 гг.; с первого взгляда странным кажется, что сведения об абхазских царях начинаются именно с Леона II, а не с Леона I и до него; ведь известно, что Абхазы имели своих царей задолго до христианства и с первых веков его, но о них сохранились лишь случайные, отрывочные сведения, составить же связную историю не представляется возможным и события эти теряются в тумане веков. Несомненно, что до подчинения абхазскими царями всей Грузии, последовавшего в X в., в некоторых, еще не покоренных, частях были отдельные владельцы, но и о них также не имеется исторического материала, на основании чего можно было бы строить историю и поэтому проф. Джавахишвили начал свою историю именно с абхазского царя Леона II. На 368 стр. II т. он в своей книге говорит: „после долгого иностранного господства, во второй половине VIII века, Грузия начала оправляться и, конечно, этому также способствовало постепенное падение Арабов. Первою подняла голову юго-западная часть Грузии (Абхазия). Абхазия сначала же избежала господства Арабов и по прежнему была в зависимости от Византийского Кесаря, но как раз в VIII в. Византия начала приходить в упадок; Абхазия, воспользовалась ее вечными войнами с Арабами и ее слабостью. По словам тогдашнего летописца: „как только ослабли Греки, отошел от них Эристав Абхазский Леон, племянник Леона эристава, к которому перешла во владение Абхазия; итак, Леон II был сыном дочери царя Хазаров и благодаря силе их отошел от Греков, покорил Абхазию и Эгрисию до Лихских гор и приобрел имя царя Абхазов“.

Говоря о столкновении Абхазского царя с владельцем Карталинии, проф. Джавахишвили приводит следующую цитату из „*მეტიწი ჯეოგრაფიკი*“: „и вышел в это время Абхазский царь Георгий, брат Феодосия и Димитрия, сын Леона, покорил Карталинию и оставил эристава Чичу, сына Димитрия“ (стр. 378).

На стр. 379—380 проф. Джавахишвили приводит из того же источника следующее: „в это время в Армении также собрались с силами местные эриставы. Сильнее других был эристав-эриставов Ашот Багратуни, который, желая расширить свои владения, двинулся на запад и решил овладеть Карталинией. Но в это время владел Карталинией Абхазский царь, так что прежде чем завладеть Карталинией, надо было победить Абхазов. Такое поведение Ашота не должно было понравиться и Гураму Мампалу и его сыну, т. к. если Ашот отнял бы у Абхазов Карталинию, то ему, следовательно, не трудно было бы овладеть и их крепостями. А Давид и Липарит помогли Ашоту. Победа осталась за Ашотом“. Таким образом, дело осложнилось и если до сих пор враждовали между собою только Грузинские владельцы, сейчас же прибавился еще и Армянский и поле сражения расширилось. „И был бой между Армянами и Абхазами из-за Карталинии; победа осталась за Армянским эриставом“.

О вторичном столкновении Абхазов и Армян из-за Карталинии на 383 стр. говорится так: „в 904 г. вышел Константин, Абхазский царь, и завладел Карталинией. И стал врагом царя Армян Сумбата Тиэзарак“ („*მეტიწი ჯეოგრაფიკი*“). Далее, на стр. 385, об окончательном объединении Картских племен, говорится следу-

ющее: .Корепископс Кахов, Квирикe, пригласил царя Абхазов Константина и соединенными войсками пошел на Эреты; боясь Абхазского царя, Квирикe оставил себе только одну часть, а две части уступил Константину; Квирикe взял себе крепость Орчони, а Константин—крепость Ариши и Гавази. Таким образом, теперь Абхазский царь не только в Карталинии, но и в Эреты крепко стоял; итак, Абхазские цари получили в Грузии первенство“.

После этого прошло немного времени, как скончался Константин; после его смерти было большое смутение: „рушилась страна Абхазская“ и пока не умер младший брат Баграт—до тех пор спокойствие не восстановилось в Абхазии и на престол вошел единственный сын Константина—Георгий. Георгий, чтобы быть спокойным, поручил управление Карталинией сыну своему Константину. Но расчеты Георгия не оправдались. Через три года Константин сам стал домогаться престола царя и восстановил против отца дворянство. Но после сильного боя победил царь Георгий. Абхазский царь разорил раз Кахетию, а второй раз захватил самого корепископа Квирикe. Но потом отпустил его, взяв в залог сына его. Квирикe думал остаться слову своему верным, но Карталинское дворянство и здесь не дало ему покоя и, привыкшее к смутам и междуусобицам, заставило Квирикe опять выступить против Георгия. Георгий послал для покорения Кахетии сына своего Леона; не успел Леон войти в Кахетию, как узнал, что отец его, Георгий, умер (957 г.), но все же Кахетия принуждена была признать власть Леона. Но как только умерла дочь Леона, которая была замужем за сыном Квирикe, утихнувшая на время вражда опять вспыхнула; в 967 г. умер царь Леон и вступил на престол сын его Димитрий (967—975). Но из Византии приехал искать престола брат его Феодосий; благодаря внезапному нападению войск Димитрия, Феодосию пришлось бежать и укрыться в горах.

Одним словом и здесь Карталинское дворянство, вместо того, чтобы поддержать своего царя и дать делу объединения всей Грузии развиваться, опять поддержало царевича и старалось развить смуту. Хотя Феодосий отдался в руки Димитрию, взяв с него клятву, что он его не тронет, но все же Димитрий его ослепил, чтобы он не мог царствовать. Но так как Димитрий был бездетный и после его смерти „не осталось наследника Абхазии и Карталинии—наследника страны“,—были принуждены возвести на престол слепого Феодосия (975—978). Слепой царь был игрушкой в руках дворянства; вновь пошли неурядицы. Царь Кахетии вновь воспрянул духом и подступил с своим войском к Уцлис-цixe“.

Как известно, Абхазское дворянство, убедившись в невозможности дальше иметь слепого безвольного царя, отстранило Феодосия и посадило на Абхазский престол Баграта, сына Гурандухты, дочери Абхазского царя Георгия, как единственного наследника престола. Грузинские историки почему то усиленно старались доказать, что Баграт III в то же время являлся наследником Карталинии, а после Давида Куропалата—Тао; но, однако, настоящее положение вещей и последующие события не подтверждают этого обстоятельства.

В первые годы управления Баграта мать его—Гурандухта—управляла Карталинией; когда же Баграт решил сам перейти в

Карталинию, то Карталинское дворянство, во главе с Кавтаром Тбсли, встретило его в Могриси и не хотело пропустить в Карталинию; Баграту пришлось занять Карталинию с боем. Это обстоятельство и многие другие факты показывают, что Карталиния его своим наследником не признавала. А что он не являлся наследником Тао—видно из того, что когда Баграт, желая расширить свои владения и тем закончить дело объединения, направился на земли, лежащие южнее Тифлиса: Триолети, Манглис, Скорети и Апенская крепость, то эристав-эриставов Рати, не желая подчиниться Баграту, обратился за помощью к Давиду Куропалату. Давид и другие мелкие владетели, из боязни, что Баграт доберется до них, присоединились к Рати и выступили против Баграта. Кроме того, Давид почти все время находился во вражде с Багратом и, умирая, без наследника, свое владение, Тао, завещал Византийскому кесарю. Итак, в этом вопросе двух мнений не может быть, ибо Абхазы представляли собой большое государство и их цари, несомненно, вступали на престол по строгим законам престолонаследия.

Предшествовавшие Абхазские цари, Димитрий и Феодосий, умерли бездетными; у Георгия же осталась дочь—Гурандухта—и поэтому престол перешел к ней и к ее сыну, Баграту III, почему во всех исторических документах Баграт III отмечается вместе со своей матерью, Гурандухтой, и титулуется Абхазским царем.

Далее, при описании вмешательства духовенства в дела государства, говорится, что оно: „выказало большую преданность царю Абхазов Баграту“, т. е. Баграту IV (стр. 430). Говоря о поражении эмира Тифлисского, разбитого на голову, говорится: „пожалел его царь Абхазов (Баграт IV) и оставил эмиром Тифлиским“ (стр. 433). При встрече Баграта IV с кесарем. Баграт, упрекая его в том, что он помог Липариту в борьбе с ним, а не ему, Баграту, говорит: „я царь и царь не малого государства, Абхазии, властелин и все же ты помог Липариту, моему восставшему рабу“ (стр. 444).

Говоря о годах царствования Георгия III (отца царицы Тамары) указывается, что в надписи у Пагартина Георгий III в 1155 г. упомянут „царем Абхазов“ (стр. 552). Далее, говоря о его же царствовании и приводя слова персидского историка Амдала, указывается, что Казвин рассказывает: „со стороны Арранов царь Абхазов вторгся в земли Ислама.. Абхазы были побеждены и вернулись к себе домой... никогда у Ислама с Абхазами не было такого боя“ (стр. 560).

В царствование Тамары, описывая поход Руки-Аддина, приводятся слова персидского историка: „отправился против Абхазов (стр. 615)“.

Далее проф. Джавахишвили дает подробное описание царствований всех последующих Абхазских царей до XV в., о которых уже говорили во II главе исторических сведений об Абхазии, причем, постепенно, их Абхазское происхождение ступеневывается, становится все бледнее и им придается чисто Грузинский облик. Однако, не всегда, конечно, удается провести эту линию, т. к. новую Грузинскую историю нельзя было строить без исторических справок и цитат из древних источников, почему все время,

как мы уже видели, красной нитью проходит по всей истории Грузии до конца XV в. ее Абхазское происхождение.

Третья эпоха обнимает собой почти четыре века и является самой тяжелой и самой темной стороной Абхазской истории. Весь этот период представляет собой сплошной кошмар: разрозненные части бывшего Абхазского государства вечно враждовали между собой и рушилась со всех сторон многовековая Абхазская культура. В конце XVII в. уже новое Грузинское объединение сделало попытки к возрождению, выразившиеся в некоторых культурных начинаниях, как то: заведение у себя книгопечатания, кодифицирование законов и т. д., Абхазское же княжество, находившееся в постоянной вражде с окружающими и раздираемое внутренними распрями, неудержимо двигалось по пути регресса, который завершился подчинением России в 1863 г. В силу вышеуказанных обстоятельств, несмотря на то, что эта эпоха сравнительно близкая нам, о ней сохранилось очень мало сведений, как в своей, так и в иностранной литературе.

Четвертая эпоха — владычество русского монархического правительства, — является не менее мрачной страницей в истории Абхазии. К счастью, эпоха эта продолжалась сравнительно недолго, всего 52 г., но, несмотря на ее краткость, — оставила по себе не мало жутких и еще свежих в памяти современников воспоминаний. Об этой эпохе имеются вполне достаточные сведения как в грузинской, так и в русской иностранной литературе, а потому составить полную картину этого периода Абхазской истории не представляет особых затруднений.

Что же касается современного революционного периода, то ввиду его исключительного значения в истории развития всего человечества и, в частности, в истории развития Абхазии, необходимо уже сейчас приступить к сохранению всех материалов, документов и памятников этого периода для того, чтобы иметь возможность воссоздать полную картину.

Кроме перечисленных источников, есть самый главный и самый богатый источник, это — сам народ, в котором сохранились следы и отпечатки его исторических переживаний. К сожалению, этот богатейший материал остается неисследованным и неизученным во всем его многообразии; главной причиной этого является отсутствие той высокой квалификации, которая требуется от исследования при изучении каждой отдельной стороны этой жизни.

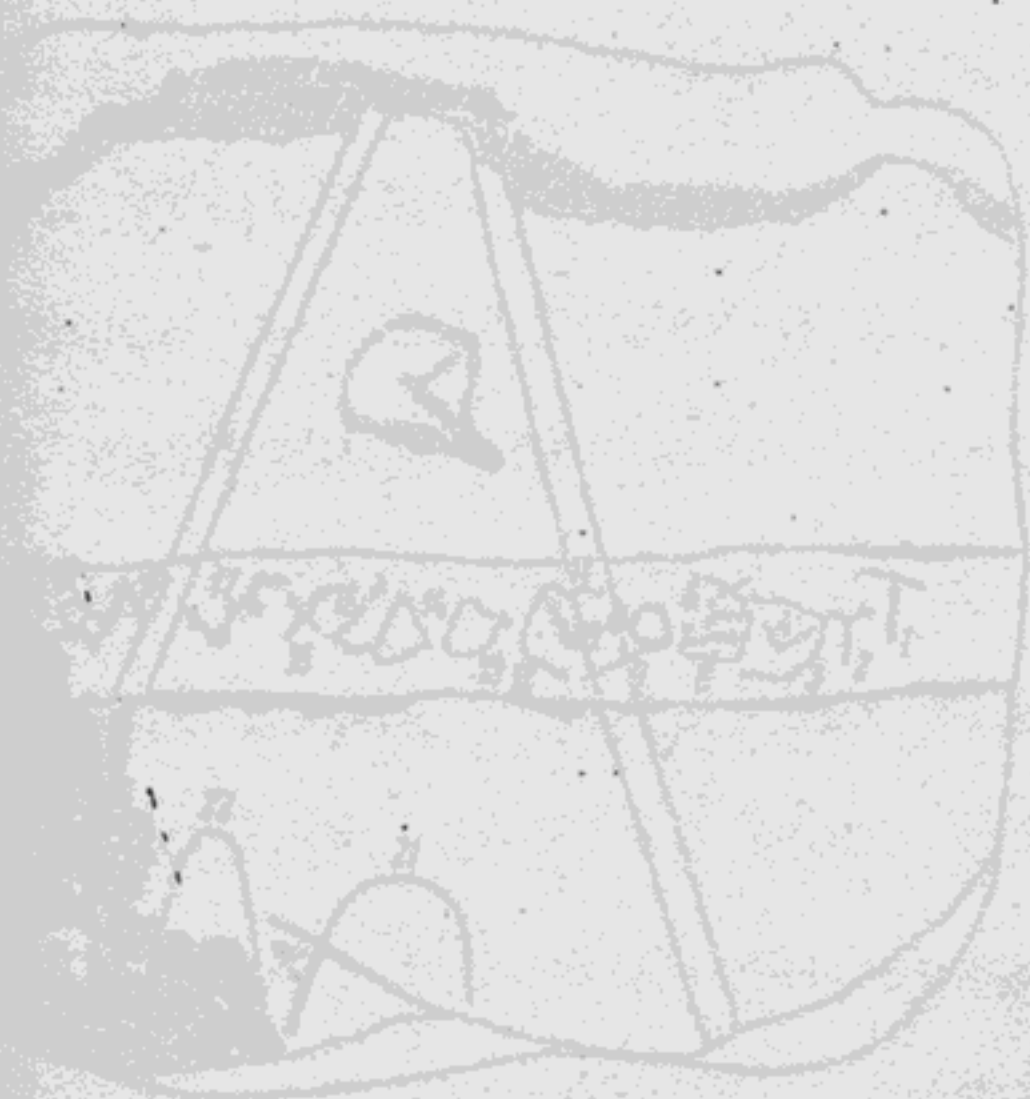
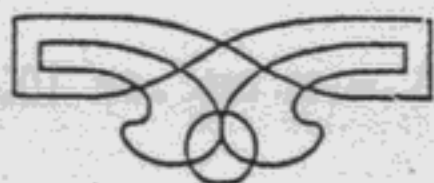
Как прошлое уясняет настоящее, так и последнее бросает свет в туманную даль прошлого, благодаря чему исторические факты, с точки зрения исторического метода уже отмершие, оживают вновь и таким образом этнографический метод дает возможность разрешить исторические проблемы.

Подобно ботанику — который, не полагаясь более на всемогущество своего высохшего гербария, переселяется на лоно природы, чтобы непосредственно на месте изучить жизнь растений, — так и историки-археологи должны вдохновляться самым изучаемым народом, а не одними только историческими документами о нем. И потому-то академик Марр из умственного центра переехал в Абхазскую глушь, где он занялся изучением этого языка в его родной обстановке. Вот чем объясняются небывалые достижения акад. Марра в области изучения абхазского языка, где он путем

непосредственного анализа этого языка достиг тех результатов, которых нельзя было получить историческими сведениями. Эти труды акад. Марра не только в области языка, но и в области общей истории Абхазии, должны лечь в основу при дальнейших исследованиях данного вопроса.

Если бы по отношению к другим областям народной жизни Абхазии был сделан такой же подход, то, весьма вероятно, что мы уже имели бы и в этих областях столь же ценные и глубокие достижения, какими являются труды акад. Марра в отношении абх. языка. А ведь, до сих пор еще остаются неизученными: народная музыка, пение, словесная литература, психология, быт и нравы народа, его взгляд на жизнь и многие другие стороны народной жизни. Но вся задача в том, скоро-ли мы будем иметь других Марров по перечисленным отраслям.

1. Майкопский камень /XII/

2. Охридский камень /I в. до н.э./